

Бондарчук Максим

Вой Фенрира

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Бондарчук

Вой Фенрира

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Бондарчук М. С.

Вой Фенрира / М. С. Бондарчук — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Далекая планета, две враждующие группировки и тайна, скрывающаяся среди бесконечных ледяных просторов. Содержит нецензурную брань.

© Бондарчук М. С., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Максим Бондарчук

Вой Фенрира

Было холодно. Наверное, так холодно как никогда раньше. Огромные потоки ледящего ветра обдували меня и заставляли прижиматься к самой земле, не позволяя поднять головы. Я слышал его свист. Он стоял у меня в ушах уже несколько часов и не стихал. Все вокруг было окутано белой мглой, ровной стеной ложившейся прямо перед моими глазами, закрывая весь обзор и не давая сконцентрироваться...

Снег шел уже вторые сутки. Проклятая планета. Зачем я только продлил этот ненавистный контракт? Все, буквально все мое нутро сжималось от одной мысли, что мне предстоит встать в полный рост, побежать вперед, свесив оружие и напряженно вглядываться в прицел, чтобы через несколько секунд замертво упасть в огромный сугроб. Командование уже несколько раз посылало бойцов в атаку и каждый раз из них никто не возвращался, несколько сот человек так и остались лежать на этой земле, погребенные под бесконечным слоем снега и льда. А когда все прекращалось, в ход шла боевая техника. Она перемалывала останки убитых, превращая впереди лежащее поле в огромное красное месиво из снега и человеческих останков. Зрелище было не из приятных... Я не хотел так закончить. И дело даже было не в деньгах, которые я так и не смогу потратить, а в том, что кончина была незавидной. Никто не хотел превращаться в фарш, смятый и перемолотый под многотонными махинами и оставшийся навеки лежать на никому не известной планете.

– Капитан! Погода ухудшается! Видимость почти нулевая. – хриплый голос вырвался из динамиков и продолжал истошно докладывать ситуацию. Из-за плохих условий его голос время от времени пропадал, слова обрывались, а звук искажался под действием многочисленных помех. – Нужно уходить. Если не сделать этого сейчас, через несколько минут нас всех заметет и никто никогда нас не найдет.

Через мгновение слова окончательно пропали, заглухнув в глубине небольших динамиков. Погода действительно портилась, и это было уже не остановить. Я оглянулся по сторонам: солдаты, прижавшись всем телом к остаткам блиндажей и укреплений, упрямо смотрели в мою сторону. Они слышали доклад солдата и ждали моего решения, ведь именно от него зависела жизнь очень многих, если не сказать, что всех солдат на передовой без исключения. Глаза метнулись по бортовому компьютеру.

– Хельга, что у нас с обстановкой?

Через секунду в ушах послышался приятный женский голос бортового компьютера.

– Подтверждаю слова рядового Купера, атмосферный фронт движется прямо на нас и будет здесь через тринадцать минут если направление ветра не изменится. Сила ветра в эпицентре циклона недопустима для проведения боевых действий. Рекомендовано сменить текущие позиции.

Это было плохо. Наша цель находилась всего в нескольких сот метрах, но при такой погоде они могли оказаться непроходимыми. Надо быть полным глупцом, чтобы пойти сейчас в атаку. Почти полутораметровый слой снега и льда, постоянный порывистый ветер, непроглядная метель, все это делало операцию провальной уже на этапе ее формирования. Мы были как слепые котята в темной комнате. Каждый из нас видел не дальше нескольких метров впереди себя. Встроенные приборы виденья были бессильны перед природой. Даже самые сильные визоры видели лишь очертания цели, но не давали информации об огневых точках, минных полях и прочих искусственных оборонительных сооружениях. Там впереди была наша смерть – это понимали все, поэтому затаив дыхания ждали моих слов.

– Купер!

– Да, капитан.

– Вызывай «слона», мы отходим на базу. На все запросы командования храни радиомолчание, я сам буду отдуваться.

Оттолкнувшись от искореженного укрытия, которое всего пару недель назад было боевой машиной, я медленно побрел в противоположную сторону.

– В колонну по одному... дистанция – метр. Фредерик, ты замыкающий, держи ухо востро и наблюдай за происходящим позади нас. Мне бы не хотелось, чтобы по возвращению на базу из моей спины выковыривали осколки.

Солдаты молча повиновались. Выстроившись за мной, они тяжело дыша и ругаясь, стали пробираться сквозь огромный слой снега. Утопая в нем, бойцы поднимали оружие вверх и, как ледоколы, пробивали своей грудью бесконечный и постоянно прибавлявшийся снег. Но несмотря на это, двигаться было на удивление легко – ветер дул в спину, силы потихоньку возвращались в уставшее и изнеможенное тело, а впереди начал проявляться тусклый, но такой радостный свет посадочной площадки. До него оставалось метров шестьдесят, когда позади послышался глухой грохот. Два, затем еще четыре хлопка, которые с каждой секундой становились все громче. Солдаты остановились и все, как по команде, обернулись назад.

– Артиллерия... они бьют из «безоткатки»! – чей-то хриплый голос стал орать в общий канал связи. В ту же секунду, солдаты, наученные боевым опытом, рассыпались в разные стороны. Превозмогая силу разбушевавшейся стихии и огромные сугробы, все они старались рассредоточиться и избежать неминуемой гибели. Взрыв... потом еще несколько. Гул был настолько громким, что на несколько секунд динамики перестали работать, а я потерял связь со своими солдатами. Взрыв поднял в воздух огромные куски льда и снега, все вокруг буквально подскочило. Люди кричали, ругались, кто-то просил о помощи, канал связи буквально разрывался от поступающих сообщений.

– Дженкинс ранен, нужна помощь! Кто-нибудь помогите, у него повреждена нога... Проклятие!!...

– У нас два убитых! Прямо рядом со мной!...

– Штайнера разорвало в клочья. Господи! От него ничего не осталось ...

Я попытался обернуться, но вскоре осознал, что лежу лицом вниз, придавленный чем-то тяжелым. Несколько движений, но все безрезультатно. Какой-то массивный объект находился прямо у меня на спине и чтобы я не предпринимал, его вес продолжал давить на меня не давая сделать лишнее движение.

– Купер... Рядовой! Отзовись в канал!

– Да, капитан. – тяжело дыша в динамике послышался знакомый голос.

– Меня чем-то придавило, нужна твоя помощь.

– Хорошо, кэп. Иду к вам, "бортовой" видит ваш маячок. Я в пятнадцати метрах от вас.

Затем голос пропал. Я вновь постарался встать, но мои движения только усугубили положение дел: груз продолжал давить и на этот раз с еще большей силой. Наконец, настал момент, когда я бросил все попытки и просто стал ждать помощи. Вскоре появился Купер. Тело сразу же отозвалось приятной судорогой и благодарно заныло, освободившись от тяжелого груза. Рядовой подхватил меня под руку и помог встать.

– Жаль его. У него контракт заканчивался через три дня.

Я с недоумением посмотрел на Купера. Его лицо было направлено куда-то в сторону, немного левее того места, где лежал я сам, придавленный неизвестным предметом, но как оказалось, этим самым предметом был убитый солдат, чье тело отбросило взрывом прямо на меня. К сожалению, теперь это было уже не важно. Мы теряли людей почти каждый день и сожалеть об этом разучились уже давно – такая была наша доля.

– Хельга, что у нас с обстановкой?

Женский голос вновь возник в ушах.

– Показания датчиков указывают на отсутствие сигналов у двенадцати бойцов, несколько слабых у шестерых, остальные в полном порядке. Вам повезло, капитан, но советую не оставаться, атмосферный фронт вот-вот достигнет вас и тогда эвакуация будет невозможна, грузовой корабль уже на подлете.

В этот самый момент, когда бортовой компьютер умолк, а общий канал связи начал приходить в норму, в воздухе, прорываясь сквозь усиливающуюся метель и снегопад, появился десантный корабль. Раздутый в боках и имевший большое металлическое брюхо, он больше напоминал огромное летающее животное, за что и получил у солдат прозвище "слон"

– Бойцы, слушай мою команду: забираем раненых, амуницию и бегом, что есть силы, к "слону".

– А что делать с убитыми? – внезапный голос возник в канале связи.

– Убитых... погибших оставляем... к сожалению. У нас нет времени, если "слон" попадет под обстрел, мы все останемся здесь и погибнем, а я не могу этого допустить. Поэтому ноги в руки и бегом в брюхо!

Подняв оружие и еще раз оглянувшись назад, всматриваясь в непроглядную белую пелену, я, в очередной раз, проклял самого себя за жадность, что заставила меня продлить контракт.

Корабль уже ждал нас. Открыв свое большое пузо, он стал принимать солдат к себе на борт. Уставшие и озлобленные, они усаживались в небольшие кресла и скрепляли на своих грудях металлические ремни.

– Говорит капитан корабля. Это все, или будут еще?

Я повернул голову в сторону открытого люка и, включив самый мощный визор, стал смотреть в наступающую выю. Но она была мертва... Никаких признаков жизни, тела неподвижно лежали на снегу, засыпаемые непрекращающимся снегопадом, что окончательно убедило меня, что больше никто не придет.

– Да, капитан, говорит Грей Марлоу, это все, больше никого не будет.

– Понял вас, капитан Марлоу, взлетаю, скоро будете дома.

Двигатели взревели. Брюхо стало закрываться. Мы все молчали. Время от времени в общем канале были слышны голоса, кто-то робко и застенчиво говорил на непонятном языке, повторяя их снова и снова. Корабль начинало трясти. Отрываясь от посадочной площадки, он старался прорваться сквозь разбушевавшуюся стихию и взлететь как можно выше, чтобы через мгновение переключить двигатели в режим максимальной скорости и умчаться подальше от этого места. Было страшно. Пытаясь не поддаваться этому чувству, я ухватился обеими руками за металлические поручни и закрыл глаза. Когда-нибудь это должно было закончиться и если это не произойдет сейчас, значит не произойдет уже никогда. Корабль набирал скорость. Так быстро, что внутри начинало все сводить, а ноги налились свинцовой тяжестью. Я думал это будет конец, даже был готов к нему, но вскоре все затихло. Внезапно и практически мгновенно, так, будто ничего этого и не было: ни сильнейшей тряски, ни боли в ногах и теле. Все закончилось. Я открыл глаза и посмотрел по сторонам: солдаты стали опускать руки, державшие до этого в мертвой хватке поручни, и расслабленно потягивались в ожидании приземления на базе. В канал стали прорываться редкие слова, кто-то радовался возвращению, кто-то скорбел по погибшим, а кто-то просто говорил. Я слушал их, каждого, кто пытался хоть как-то разрядить эту напряженную обстановку, пуская в эфир глупые армейские шутки, которые каждый из нас слышал уже бесчисленное количество раз. Но сегодня никто не жаловался. В глубине души, все радовались и благодарили богов и удачу, что пуля обошла их стороной и, что они не остались коченеть на этом проклятом морозе. Это не передать словами: жуткий, каждодневный мороз, ледящий кожу и кости, прорывавшийся сквозь броню костюма и доходивший до самой души. Он цеплял и оставался внутри. Каждый раз, когда мои глаза видели наступающую бурю, все мое тело сразу содрогалось и просило укрыться лишь бы не чувствовать ледяное

дыхание этой планеты. Не знаю почему они выбрали именно эту планету... Вокруг миллионы звезд, еще больше систем, а мне выпала честь охранять исследовательскую станцию на проклятой глыбе льда. Здесь не было ничего ценного: скудные запасы руды, газа, минералов, драгоценных металлов – кот наплакал. Почему именно здесь? Что они тут ищут? Сколько раз я задавал себе этот вопрос и не находил ответа. Сколько раз я клялся задать его своему начальству, но не переступив порог кабинета, сразу отбрасывал эту затею. Это было не мое дело – так когда-то сказал один мой знакомый. Мы наемники. Наше дело идти туда, куда укажут, стрелять в того, в кого укажут. Нам платят за это, за дело, которое мы выполняем не задавая лишних вопросов, но иногда, наступает момент, когда ответы необходимы, когда деньги уже не решают ничего и не являются главной целью. Когда ты чувствуешь дыхание смерти, жить хочется гораздо больше, чем зарабатывать деньги.

Корабль вновь встряхнуло – это был верный признак входа в нижние слои и приближения корабля к долгожданному месту высадки. Солдаты сразу напряглись, руки потянулись к поручням, а в канале наступило молчание.

– Говорит капитан корабля, мы приближаемся к месту назначения. Ожидаемое время до посадки: две минуты. С возвращением, парни.

Голос утих и корабль медленно наклонился вниз. Началось плавное снижение. Огромную металлическую птицу начало трясти. Иногда, попадая в воздушные ямы, корабль вздрагивал, будто возле него взрывалась ракета. То сбрасывая скорость, то усиливая нагрузку на двигатели, пилот пытался как можно сильнее минимизировать влияние стихии на траекторию полета своей птички и не дать ледяному ветру отклонить машину с заданного курса. Через мгновение раздался громкий металлический лязг, сопровождавшийся дрожанием и вибрацией, проходившей прямо под нами, где-то в глубине металлических конструкций. Это было шасси, такое происходило именно в моменты фактического контакта с поверхностью, когда десантный корабль приземлялся на подготовленную площадку. Машину вновь встряхнуло, на этот раз в последний.

– Приехали. – голос капитана корабля звучал уже не так бодро как раньше, видимо поединок со стихией давался ему очень тяжело.

Двигатели стали затихать, а брюхо машины медленно распахиваться наружу. Солдаты начали вставать со своих мест.

– Купер, свяжись с медблоком и скажи пусть подготовятся к приему раненых. Командование я беру на себя, надеюсь, все обойдется, хотя это вряд ли...

Солдаты тут же подхватили раненых под руки и быстро стали выводить из корабля наружу. По ту сторону металлического брюха погода была куда более гостеприимной. Здесь редко бывали сильные ветра, база находилась в низине и на две трети была окружена высокими горами, защищавшими ее от гнева природы. Огромный исследовательский комплекс находился в самом центре этой низины, названной в честь пилота, обнаружившего его, когда космолет, на котором он летел, был сбит и рухнул прямо в ее центр. Только благодаря ему, было найдено самое оптимальное место для размещения и расширения будущей базы. Теперь же, когда некогда небольшая экспедиция в несколько сот человек, разрослась до численности в несколько тысяч человек: обслуживающий персонал, ученые, рабочие-техники, военные, она стала напоминать огромный муравейник. Все они трудились в готовых помещениях и цехах, объединенных в огромный комплекс со своим медцентром, лабораторией, генераторами, казармами, жилыми помещениями для личного состава и семей поселенцев. Полностью автономный и самодостаточный, он мог жить своей жизнью, не взирая ни на что. Посадочная площадка могла принимать транспорты всех видов и назначений, чем непременно пользовалось руководство станции. Сверху этот комплекс напоминал огромную змею, скрутившуюся в кольцо и дожидавшуюся своего часа, чтобы броситься на зазевавшуюся жертву.

Я не переставал любоваться всем этим зрелищем: огромный живой организм, где каждый человек, либо механизм имел свое место и знал, что от него требовалось. Точно так это место знал и я сам. Но сегодня все было иначе – я не выполнил приказ, а это было чревато большими проблемами. В моей голове уже начал формироваться план действий на случай важных переговоров или если мне придется оправдываться перед работодателями. Развернувшись, я увидел как к нашему месту посадки стали подъезжать несколько машин, видимо пилот доложил на базу заранее о раненых и врачи уже спешили к нам на помощь.

– Капитан, тут у нас генерал Свиридов на связи, срочно требует соединения.

Голос Купера звучал приглушенно.

– Соедини нас.

В ушах наступила тишина. Это было неизбежно, видимо, мой поступок уже начали рассматривать на самом высоком уровне.

– Капитан Марлоу, надеюсь, вы отдадите себе отчет о произошедшем?

– Так точно, генерал, но может перенесем этот разговор в ваш кабинет. Канал связи не очень надежная вещь, пусть даже и закрытый.

– Хорошо, капитан, как только разберетесь со своими подчиненными, сразу зайдите ко мне.

Голос умолк так же быстро как и появился. Старый русский генерал – он никогда не был многословен, наверное, их этому учат в первую очередь, раньше, чем стрелять. Мы прибыли сюда вместе с ним, еще тогда, когда комплекс напоминал простое поселение, а нас поставили охранять первых поселенцев. Умудренный опытом, боевой офицер, он ненавидел все, что так или иначе было связано со штабной работой. Перебирание бумажек, разговоры с агентами правящих компаний, все это было ненавистно ему до глубины души, но возраст диктовал свои условия, и он был вынужден занять штабное место.

Вскоре раненые были успешно эвакуированы, а я, вместе с оставшимися бойцами, побрел к главному входу. Дорога к нему была хорошо охраняема, вдоль, через каждые пятьдесят метров, нас сопровождали большие автоматические турели, призванные остановить противника еще на подходе к главному зданию. Наблюдая и поворачиваясь в след за нами, они вели нас до самой разграничительной линии, где автоматика передавала эстафету уже живым людям. Охрана, из числа внутреннего гарнизона, подчинялась только генералу Свиридову, и насчитывала почти три сотни хорошо подготовленных солдат из регулярной армии.

– Назовись. – охранник встал передо мной и слегка приподнял оружие.

– Я нахожусь здесь дольше чем ты. Можешь пропустить. – не без злобы ответил я.

– Тебе известны правила и соблюдаться они должны вне зависимости от того, кто и сколько здесь пробыл.

– Хорошо... Батальон Марлоу, внутренний номер 20246.

Охранник еще несколько секунд сверял данные, а затем, отступив в сторону, дал сигнал на свободный проход.

– Наверно, очередная смена прибыла. Сегодня четверг? Точно. Они всегда прилетают по четвергам.

Голос Дженкинса появился в канале связи.

– Скорее всего это так. – я подытожил и через несколько минут весь личный состав прошел во внутреннюю часть комплекса. Здесь все было совершенно по-другому, люди, одетые в рабочие утепленные костюмы занимались привычными и обыденными делами. Разгружались многочисленные грузы и контейнеры, прибывшие сюда на грузовых кораблях с ближайшей обитаемой планеты, а в обмен отсылалось отработавшее и подлежащее ремонту оборудование и техника. Большие и не очень, рабочие машины, больше напоминавшие огромных шагающих роботов, поднимали на своих металлических руках все необходимое для отправки и аккуратно, словно, там находилось что-то хрупкое, грузили на специально подготовленную

платформу. Переваливаясь с одной ноги на другую, так, что снег подскакивал и отлетал в стороны, они были незаменимыми помощниками в повседневной жизни этого комплекса. Вскоре послышался ослабевающий звук двигателей. Голова медленно повернулась в сторону объекта – это садился на площадку небольшой транспортный корабль. Он не был похож ни на один из тех, с которыми мне приходилось сталкиваться раньше. Новый, буквально блестящий, на его борту была выбита символика регулярных войск: огромный шар в виде планеты Земля, окруженный красными звездами, по числу глав государств, входивших в верховный совет родной планеты.

– Не к добру это.

Кто-то легонько ударил меня в плечо.

– Да, Куп, все сегодня складывается не в нашу пользу. По крайней мере, мы хоть остались в живых, осталось сделать так, чтобы нас не отдали под трибунал за невыполнение условий контракта.

– Думаешь, все может закончиться так плохо?

– Если честно, я стараюсь вообще об этом не думать, но проблема в том, что НЕ ДУМАТЬ об этом просто невозможно.

Закончив на этом разговор, мы все продолжили свой путь. Он пролегал через основные ворота, которые были главным входом в этот огромный исследовательский комплекс. Двери медленно распахнулись и через мгновение большая часть людей оказалась внутри специальной камеры, где под действием специального обеззараживающего газа уничтожалось все живое, что могло каким-то образом осесть на наши боевые костюмы и тем самым проникнуть внутрь комплекса. Эта процедура раздражала всех, но когда на кону стояла жизнеспособность всего этого огромного "организма" инструкции выполнялись неукоснительно, даже если это считалось чистой формальностью.

Шипя и изрыгаясь из небольших отверстий, газ проникал в помещение и заполнял его до самого потолка. Он был ядовит по своей природе, поэтому все присутствующие находились в масках, фильтровавших вдыхаемый воздух. Затем, когда концентрация газа внутри камеры достигла необходимых объемов, прозвучала сирена.

– ОБЕЗЗАРАЖИВАНИЕ ЗАВЕРШЕНО. ДОЖДИТЕСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ФИЛЬТРАЦИИ КАМЕРЫ...

Металлический голос компьютера тут же умолк. Я слышал эти слова уже столько раз, что, порой, даже не обращал на них внимание. Двадцать секунд на заполнение и столько же на полную отчистку камеры. Я знал каждый уголок, каждый сантиметр этого помещения, казалось, я даже чувствовал запах этого газа, хотя отдавал себе отчет, что это невозможно по ряду причин, но усталость вперемежку с каждодневными повторяющимися штатными процедурами делала свое дело. Я был как робот: знал что надо делать, куда идти, кому и что докладывать. Мой день был расписан поминутно и лишь изредка, когда возникали боевые ситуации на подобии сегодняшней, в мою размеренную жизнь вторгалась неопределенность. Однако сегодняшние события украдкой говорили, что всему этому пришел конец.

Наконец, двери распахнулись и вся толпа: рабочие, грузчики, солдаты, с нескрываемым облегчением выскочили наружу. Центральный двор – сердце всего комплекса. Здесь все начиналось и тут же заканчивалось. Любой, кто прибывал на исследовательскую станцию и проходил все процедуры безопасности, видел именно это. Огромный купол, спиралью изгибающийся по окружности, три десятка этажей, сотни помещений: лаборатории, казармы, столовые, стрельбище для новобранцев и новобранцев из числа детей поселенцев. Была даже школа, где имели возможность обучаться те, кто родился здесь и рос. Он был огромен...

– Хельга, мы уже дома, можешь открывать костюм.

– Слушаюсь, капитан. Хорошего вам отдыха.

– Да уж, этого мне сейчас и не хватает.

Прозвучал щелчок. Шлем, словно имитируя пасть льва, раскрылся в огромном зеве. Свежий воздух тут же проник в мои ноздри и заставил приостановиться. Голова начала кружиться, а в глазах поплыли черные круги. Это было обычным явлением с которым сталкивались те, кто часто работал за пределами комплекса: выравнивание давления, непривычно очищенный комплексный воздух, в котором не было ничего постороннего, все это в купе с усталостью вызвало приступ тошноты, который вскоре затихал где-то в глубине желудка.

– Капитан, с вами все в порядке.

– Чертов приступ, никак не могу привыкнуть ко всему этому.

Купер обошел меня сзади и, положив руку на плечо, посмотрел в лицо.

– Плохо выглядите, надо в госпиталь, срочно.

Он схватил меня под руку и повел в нужном направлении. Медблок находился на первом ярусе, который включал в себя несколько первых этажей. Его размещение было не случайным – именно первые этажи считались самыми безопасными с точки зрения возможности быстрой эвакуации, ведь путь до взлетной площадки составлял всего каких-то пару минут, что, конечно же, нельзя было сказать про тех, кто жил и работал на двух последних ярусах. Произойди внезапный взрыв или какая-нибудь другая нештатная ситуация, шансы выжить у тех кто был наверху сводились к нулю. Наверное, именно поэтому безопасности исследовательской станции уделялось первостепенное значение.

Вскоре мы оказались возле главного входа в медблок. Огромная столпившаяся масса людей, ждала своей очереди на обследование. Никто не спешил, все упорно ждали, когда по встроенному передатчику продиктуют имя следующего пациента, иного способа попасть внутрь не существовало. Люди топтались на месте, перешептывались и устало поглядывали вперед. Нет, тут мы могли застрять надолго, понимая это, Купер отпустил мою руку и направился напрямик к установленному возле дверей компьютеру.

– Давай появляйся! – скрепя зубами, Куп стал нажимать на клавиши.

– Слушаю вас. – на мониторе возник немолодой мужчина в белом костюме.

– У нас срочный больной. Прошу прием вне очереди.

– Назовитесь солдат.

– Рядовой Купер, батальон Марлоу. Капитан плохо себя чувствует, нужна помощь.

– Симптомы?

– Головокружение, тошнота, резкая слабость по всему телу.

– Это простая акклиматизация, рядовой, все через это проходят. Минут десять-пятнадцать и вашему командиру станет лучше.

– Да ему плохо.

– Вы знаете правила, рядовой, не нарушайте очередь...

– Проклятие, док, мы наемники, и находимся здесь, чтобы ты мог чувствовать себя в безопасности. Каждый день мы идем навстречу смерти, чтобы такие как ты, могли спокойно работать. Как ты считаешь, мы заслужили один прием вне очереди!

Голос Купера звучал угрожающе и окружающие с опаской поглядывали на него. Лицо доктора осталось неизменным, но спустя несколько секунд, двери медблока распахнулись, а изображение врача растворилось в темном экране монитора. Рядовой поднял меня и спешно, сквозь ропот и недовольные взгляды повел во внутрь. Там пахло как-то по-особенному: запахи медицинских препаратов, антисептиков влетали в мой мозг и будоражили уже давно забытые воспоминания. Я не был здесь уже давно и непривычный аромат стал некой наградой за сотни дней мертвого воздуха, который мне приходилось вдыхать будучи в основном корпусе станции. Наконец, когда длинный коридор закончился, а глаза перестало резать от непривычно белоснежного цвета помещений, мы остановились возле безымянной двери, за которой тут же послышался приятный женский голос.

– Рядовой, вы можете быть свободны. Капитана я буду принимать сама.

Он посмотрел на меня.

– Дальше я сам, Куп, спасибо.

Дверь открылась и я, окончательно обессиленный, ввалился в кабинет. Большой, гораздо больше тех комнатушек, в которых нам приходилось жить, он со всех сторон был обставлен различной аппаратурой и медицинской мебелью. С потолка свисали многочисленные шаровидные световые лампы, придававшие и так белоснежному помещению яркий, практически прозрачный белый цвет.

– Проходите, присаживайтесь.

Голос доносился откуда-то из глубины, но глаза не могли ничего разглядеть. Я всматривался что было сил, но кроме легкого силуэта, изредка мелькавшего где-то вдалеке, так и не смог увидеть.

– Капитан, вы меня слышите?

– Да – осторожно ответил я.

– А видите?

– Нет...

Затем, когда глаза стали приходить в норму и адаптироваться к столь яркому свету, в дальнем углу помещения, немного задрав голову и всматриваясь в содержимое небольшой колбы, я увидел стройную женщину. Одета во все белое, с головы до ног, она, словно призрак, была практически неразличима от всего интерьера и сливалась с ним как хамелеон. Только глаза, чистые голубые глаза, украдкой посматривали в мою сторону.

Она обогнула кабинет и быстро подошла ко мне.

– Что ж, капитан, какие ощущения были, когда вы сняли шлем и вдохнули комплексного воздуха?

Ее голос был ровным, но в тоже время твердым.

– Все было как и раньше: головокружение, немного подташнивало, слабость, ничего нового, но до этого момента, все это проходило за считанные минуты. Теперь же, адаптация была гораздо хуже, боли были сильнее прежнего, тошнило так, что я был готов выблевать все содержимое желудка сразу возле камеры дезинфекции.

– Что вы принимали до выхода из комплекса? Какие-нибудь препараты вам выписывали?

– Нет. Обычная еда из столовой, которую едят сотни таких же солдат как и я. Пару раз за все время принимал таблетку от головной боли только и всего...

– Алкоголь, наркотики...

– Нет – я вклинился в ее слова так резко, что заставил доктора несколько заволноваться.

– Точно, капитан, никогда?

Я мялся. Мне было неприятно вспоминать об этом. Старая история, такая есть у каждого солдата, она была тем табу, той закрытой темой, в которую посторонним вход был запрещен.

– Если вы что-то скрываете, капитан, я буду вынуждена закончить прием и доложить о вашем поведении начальству. Вы не хуже меня знаете, что произойдет дальше: начнется расследование, поднимут ваше личное дело и всплывет все то, что вы так плохо пытаетесь скрыть от меня. Может, перестанем играть в храброго мальчишку и вскроем карты?

Я посмотрел на нее и тут же встретился взглядом с ней. Голубые глаза твердо смотрели на меня. Выхода не было, нужно было все рассказать, иначе последствия будут куда более печальными.

– Нет, я не наркоман, но за время службы мне пришлось многое на себе испытать. У каждого бойца есть индивидуальный медпакет, так называемый ИМП-12. В нем находилось все необходимое для того, чтобы солдат мог успешно вести боевые действия и выполнять боевую задачу. Набор состоял из двенадцати капсул, каждая в своем роде была уникальна и при уколе придавала солдату определенные способности. Заставить организм работать сверх своих возможностей, выжить после смертельного ранения, встать и продолжить бой, это лишь краткий

список того, на что был способен ИМП-12. Но была в нем одна капсула, состоящая из двух параллельно встроенных ампул с белой и синей жидкостью. Солдаты называли ее «коктейлем Шивы», при введении в организм, эти жидкости смешивались и мгновенно, вместе с кровью, разносились по организму. Скорость реакции, движение, ловкость, все это возрастало многократно. Боец, принявший эту капсулу, двигался так быстро, что было невозможно уследить за его движениями, хотя в его глазах, все замедлялось и тянулось в несколько раз медленнее. Ирония в том, что после того, как действие препарата заканчивалось, организм умирал практически сразу. Мозг, сердце, внутренние органы, все это становилось настолько изношенным и непригодным, что смерть наступала мгновенно. Те, кому посчастливилось остаться в живых, а таких были единицы, начинали страдать от тяжелейшей наркотической зависимости, которую нельзя было заглушить простыми способами. Единственное, что получалось – это каждый день вводить в организм минимальные дозы из составляющих этого коктейля, частично снижая наркотическую тягу.

– И вы были в числе тех немногих, кто смог выжить?

– Да, – я одобрительно покачал головой, – тогда я думал, что мне чертовски повезло, но по прошествии нескольких дней, я пожалел об этом. Ломающая, будто все внутри переворачивалось и норовило выскочить наружу, боль была просто нестерпимой. Меня привязали к больничной койке, кололи все, что было в наличии, но ничего не помогало. И только, когда я получал инъекции из составляющих этой гремучей смеси, мое тело успокаивалось и я мог спокойно отдохнуть. Со временем количество доз становилось все меньше, а наркотическая ломка и вовсе перестала меня мучить. Я вновь прошел обследование: куча врачей, десятки осмотров и анализов. Врачи недоумевали, но были вынуждены поставить мне допуск к службе, хотя вероятность рецидива не отрицали. Был среди них один мозговитый, высокий парень всего несколько месяцев назад закончивший учебу, он то и дал мне самый дельный совет. По его словам, холод замедляет пагубное действие этого препарата, а это давало шанс, что организм сможет сам выработать иммунитет и уничтожить остатки этой дряни, оставшихся в моем теле.

– Значит рецидив?

– Вполне вероятно.

– Мне надо сообщить об этом начальству. – она развернулась и хотела уйти, но я тут же схватил ее за руку.

– Постойте... не надо ничего докладывать. Эта профессия, все, что у меня есть. Если меня уволят... я просто не знаю, что буду делать дальше. Быть солдатом, единственное, что я умею.

– А если вы умрете после очередного приступа?

– Каждый раз, выходя из комплекса, я сознательно иду на смерть. Мне не впервой дожидаться своей гибели.

Она остановилась и молча смотрела на меня. Было видно, что она колебалась. Правила и устав комплекса были обязательны к исполнению, а невыполнение или сознательное пренебрежение ими, влекло за собой ответственность, вплоть до расстрела если дело касалось военных.

– Вы понимаете на что толкаете меня. Нарушить правила – это вам не сделать один лишний выстрел.

– Что вы в этом понимаете?

– Достаточно, можете не сомневаться. Но раз дело повернулось именно так, я пойду вам на встречу и не буду докладывать о ваших проблемах руководству, но с этого момента вы будете находиться под моим постоянным контролем.

Она развернулась, подошла к небольшому столику и взяла оттуда несколько маленьких цилиндрических упаковок и затем протянула их мне.

– Вот, возьмите, этот препарат поможет вам в дальнейшем избежать сильных приступов.

– Что это? – неодобрительно спросил я.

– Это "Волокс", иммунный препарат. Такие выдают спортсменам перед выступлениями. Да и надо же вам что-то выписать, иначе что подумают другие. А теперь можете быть свободны.

Она замолчала и, повернувшись ко мне спиной, направилась вглубь кабинета, на то самое место, где находилась, когда я вошел в помещение. То поднимая вверх, то опуская, она продолжала что-то высматривать в многочисленных колбах. Я встал с кровати и вышел наружу. Пройдя еще несколько метров по длинному белоснежному коридору, я сжимал в руках таблетки и изредка посматривал по сторонам. С другой стороны все осталось неизменным: очередь не уменьшилась, скорее наоборот, она стала больше за счет новоприбывших солдат из регулярной армии. Они стояли в ряд и ни с кем не общались. Рослые, крепкие телами и с абсолютно презрительным взглядом. Я мельком окинул и взглядом и тут же отбросил всякие мысли о знакомстве с ними. Это действительно было не к добру...

Теперь мой путь лежал в казарму, точнее говоря в отдельное помещение для офицеров, которое соседствовало с основными казармами. Начиная с одиннадцатого и по четырнадцатый, эти этажи были полностью отданы под военные нужды. Личные помещения, арсенал, стрельбище, даже бар, где наемники и простые солдаты могли отдохнуть после боевых будней. Все было оборудовано и обставлено в армейско-аскетическом стиле, таков был приказ Свиридова. По его словам, удобства и роскошь не способствуют армейской выучке и вынуждают солдат становиться ленивыми. Такого он допустить не мог, ведь именно от его подчиненных зависел успех многочисленных операций и безопасность станции.

Лифт остановился. Солдат, стоявший на посту, увидав как я иду к нему навстречу, взмахнул рукой и резко поднес ее к виску. Мои апартаменты находились почти в самом конце коридора. Небольшая комнатуха, которая едва могла вместить в себя больше двух спальных мест, была полностью обставлена всей необходимой мебелью и аппаратурой. Небольшой стол с встроенным компьютером, одноместная кровать, высокий деревянный шкаф, в котором находился парадный и повседневная формы и огромное окно. Строго и по существу. Ничего лишнего здесь не было. Положив шлем на стол, я принялся отстегивать отдельные боевые части и складывать их рядом на кровать. Наручи с перчатками, обувь, ножная часть, затем пришла очередь за нагрудной броней. Она весила больше всего, напичканная различной электроникой и утепленная, ее вес достигал почти неподъемных цифр, и если бы не годы эксплуатации, я бы просто не смог ее поднять. Вскоре все это было аккуратно уложено в специальный контейнер, где хранилось самое ценное и важное. Тело заныло, освободившись от бронированных оков, и мышцы непроизвольно начали сокращаться. Слабость, которая мучила меня с самого начала, вновь разлилась по всем конечностям и заставила присесть.

– Проклятье!

Дождавшись, когда слабость немного отступит, я потянулся за таблетками. Не перебирая их и не считая, я, закинув голову назад, тут же опустил в рот несколько штук. Эффект не заставил долго ждать: руки начали дрожать, мышцы налились и стали крепкими как камень, боль и усталость постепенно отступали. Я поднялся с кровати и подошел к деревянному шкафу, там, почти в гордом одиночестве висела моя повседневная форма. В ней я находился все остальное время, за исключением особо важных встреч или боевых операций. Удобная, не стеснявшая движений, в ней было легко и приятно находиться. Поправив воротник и еще раз взглянув на себя в зеркало, я вышел из кабинета и направился на самый последний этаж, в кабинет к генералу Свиридову. Я и так заставил его слишком долго ждать. Лифт поднял меня на самый верх, туда, где обычно не собирается много людей, где стояла мертвая тишина, и, где было невозможно увидеть простых работников. Это был этаж для особых лиц, тех, кто направлял и управлял работой станции, тех, от кого зависело финансирование и дальнейшая судьба всех, кто тут находился. Властимущие находились здесь почти все время и спускались вниз только лишь для того, чтобы улететь с этой планеты. Сделав несколько шагов, я оказался перед нужной мне дверью, за ней, приглушенно звучали голоса. Двое человек, что-то надрывисто обсуж-

дали между собой, изредка срываясь на непозволительные высказывания в адрес друг друга. Я стал ждать, наверняка, генерал ставил на место очередного агента, который вздумал выхватить бразды правления из рук Свиридова и отодвинуть его на второй план. Наконец, голоса стихли, за дверью послышалось легкое шебуршание, которое вскоре превратилось в спешный шаг, приближавшийся прямо ко мне. Я отошел в сторону и стал ждать, когда дверь откроется.

Злой, будто испытывший на себе всю боль и унижение, из кабинета буквально выскочил худощавый мужчина в дорогом черном костюме. Проклиная все на свете, он хлопнул дверью и, бросив на меня гневный взгляд, ушел в противоположную сторону.

Я зашел в кабинет и поприветствовал генерала.

– Слава Богу. Думал, с тобой что-то случилось. – слегка успокоившись, Свиридов начал разговор.

– Со мной все в порядке, а вот у вас, генерал, я вижу был тяжелый разговор.

Он устало опустил глаза и скрестил на своей груди руки.

– Чертовы агенты. Как они меня достали! Порой мне кажется, что они живут в параллельном мире и совершенно не понимают, что происходит всего двумя этажами ниже. Да и не хотят они этого знать. Они платят деньги, а мы должны за это плясать под их дудку – так они считают. Но вот, что я скажу: этому не бывать! Я прошел две войны, командовал армией, бравшей Сивенстинскую крепость, которая до этого никому не сдавалась и теперь, по прошествии всего этого, я должен выслушивать козни какого-то дистрофика в галстук. Нет, пока я здесь – я команду всем гарнизоном!

Генерал был в бешенстве.

– Так что он сказал?

– А-а,– он отмахнулся, – Компания Солид Корпарейшен недовольна ведением боевых действий. Они считают, что мы слишком долго топчемся на одном месте и зря едим свой хлеб. Их конкуренты уже всю осваивают земли на другом краю этого ледяного шара – это очень беспокоит их, поэтому представитель этой компании, тот самый агент, который был здесь до тебя, требовал немедленных решений. Тот форпост, как огромная мозоль на заднице, просто не дает покоя нашим инвесторам. С военной точки зрения – ей грош цена. Она лежит вдалеке от основных и будущих путей, воздушные магистрали никак с ней не пересекаются. И мне искренне не понятно, зачем отправлять на убой столько людей, чтобы захватить никому ненужный форпост. Я пытался им объяснить, что погода вносит свои коррективы, что разница в тяжелой технике и личном составе слишком очевидна, но они не хотят ничего слушать. Они с каким-то маниакальным рвением и жадой требуют занять форпост и как можно скорей, не считаясь с потерями.

– А как же люди...?

– Им плевать на людей, – генерал вклинился в мои слова, – министерство обороны нашей родной планеты каждый месяц, по всей подконтрольной ей территории, увольняет в запас более тридцати тысяч солдат и офицеров, а на смену им призываются более молодые и выносливые. Как ты считаешь, куда может податься человек, который всю свою жизнь только и делал, что нажимал на спусковой крючок? Конечно пойдет в наемники. Недостатка в таких людях не бывает, поэтому бойцов они не жалеют, в отличие от меня. И как ты наверняка понял, твой сегодняшний маневр с отходом на базу, каким бы благородным он не был, они не оценили. Представители Солид Корпарейшен считают, что ты и твои бойцы больше не могут выполнять условия контракта и поэтому в скором времени будет вынесен на обсуждение вопрос о замене твоего батальона на более «ответственный».

Услышав последнее слово, я усмехнулся, чем на удивление, вызвал улыбку и у генерала.

– То есть на того, кому будет наплевать на свой личный состав?

Свиридов солидарно покачал головой.

– Однако я вступился за тебя, Грей. Я сказал, что таких бойцов как ты сегодня мало, что твой опыт, накопленный за время пребывания на станции, поможет сохранить гораздо больше жизней, а соответственно и денег для их компании. Было трудно, но они согласились подумать. Почему? Наверное, там еще остались те, кто еще может думать критично и смотреть на вещи открытыми глазами. Начинается сезон снежных бурь и на три месяца любые операции будут невозможны ввиду плохих погодных условий.

– Тогда зачем сюда прибыли солдаты регулярной армии?

– Пополнение, Грей.

Я удивленно раскрыл глаза.

– Сам не сразу поверил, но молва о том, что на этой планете солдаты гибнут как мухи разлетелась по всей галактике. Организации наемников спешно отзывают свои заявки: ни «Рубикон», ни «Закат» не хотят отправлять сюда своих людей, даже за очень большие деньги. В связи с этим, глава нашей компании каким-то образом продал поправки в военный кодекс, где изначально не разрешалось военным регулярных войск принимать участие в боевых действиях частных компаний, но теперь все это стало возможно и отказаться солдаты не могут, ведь приказ есть приказ и он не обсуждается. Поэтому, Марлоу, будем укомплектовывать тебя свежими силами. Кстати, сколько твоих погибло при отходе?

– Двенадцать, еще несколько раненых, но их уже зашивают в медблоке.

Генерал хмуро опустил глаза и, отвернувшись, стал вглядываться в большое окно, которое выводило на белоснежную пустыню. С такой высоты вырисовывался просто красивейший вид: метели, метавшиеся по этой бескрайней земле, переплетались друг с другом и продолжали свое дальнейшее движение, огромные скалистые горы, словно зубы морского чудовища, то появлялись, то пропадали в белоснежной пелене, опускавшейся на землю в такое время. Это были первые признаки наступающих бурь. Они приходили с другого конца планеты и на три месяца парализовывали деятельность всей станции. Все внешние работы по обслуживанию станции замораживались до лучших времен, посадочная площадка прекращала принимать транспорт из-за шквалистого ветра, который был способен опрокинуть почти любой транспортный корабль, заходивший на посадку. Боевые действия сводились до простого патрулирования прилегающей зоны. Станция замирала. Все кто не хотел оставаться здесь, старались как можно быстрее улететь на ближайшую планету, остальные же запасались всем необходимым заранее. Это был мертвый сезон. Даже здесь, в низине, в окружении скал, стихия находила нас и показывала свою мощь, ничто не могло укрыться от нее.

– Последний транспорт улетает завтра рано утром. Ты можешь улететь на время сезона, ты заслужил это.

– У меня контракт, генерал, да и не могу я бросить солдат в такой период. Я должен быть с ними, особенно в сезон бурь.

– Ну, в таком случае, можешь спуститься к своим солдатам и начать перебирать личные дела новых бойцов. Выбирай, кто тебе понравился и начинай знакомство: времени впереди будет много, поэтому введешь их в курс дела станции, порядке патрулей, об особом режиме работы во время сезона бурь, в общем, не мне тебе рассказывать.

Я встал со стула и, отдав честь, направился к выходу, но уже перед самой дверью меня вновь окликнул голос Свиридова.

– Время будет тяжелым, Грей, я чувствую это, будь наготове.

Слова звучали мрачно, как предвестники некой беды, которую ощущал только он. Как старый волк, проживший всю жизнь на полях сражений, он слышал отголоски будущих перемен, которые, непременно, затронут нас всех без исключения. И вот сейчас, когда слова растворились в воздухе, а смысл их мне был еще не понятен, я повернул голову и посмотрел в сторону старого офицера, в надежде дожидаться пояснений. Но они не последовали, он все так

же молча стоял ко мне спиной, устремив свой взгляд на бушующую стихию, которая только-только набирала свою силу.

2.

Когда я спустился в казарму, солдаты уже ждали меня: одетые в повседневку и отдохнувшие, они выглядели совершенно не так, какими я привык их видеть на экране бортового компьютера. Опрятные, улыбающиеся, в них еще теплился огонь, который не смог заглушить даже самый лютый мороз и от осознания этого, мне самому становилось приятно на душе.

– Здравствуйте, бойцы! – я встал посередине строя и поприветствовал их.

Единый, как раскат грома, ответ не заставил меня ждать. Он разлетелся по всему помещению, и, обогнув несколько раз по периметру казарму, рассеялся в воздухе, оставив после себя еле слышимое эхо.

– Вольно! Теперь немного новой информации: в связи с потерями, которые понес наш батальон в последнем боестолкновении, командованием свыше, а именно генералом Свиридовым, принято решение доукомплектовать нас новоприбывшими солдатами из числа регулярных войск.

Солдаты, не веря своим ушам, переглянулись.

– Да, вам не послышалось, именно солдатами регулярных войск.

– Но ведь это запрещено законом. Мы не можем служить вместе. – чей-то голос донесся из строя.

– Теперь уже нет. Недавние поправки, принятые в военный кодекс, допускают присутствие небольших групп солдат регулярных войск в составе наемнических формирований. Их число ограничили: не более полусотни на одну группу, в нашем же случае их будет двенадцать. Как долго они пробудут в нашем составе сказать не могу, но на время бурь – это точно.

По казарме разошелся ропот. Солдаты были недовольны и этому были причины. Уже очень давно между наемниками и простыми солдатами шла негласная война. Обе стороны ненавидели друг друга по ряду причин, хотя мало кто уже помнил, с чего все начиналось. Поговаривали, что начало этой вражде было положено на пограничной планете Ильгиз, где в то давнее время дислоцировалось более двух тысяч солдат. Война только закончилась, уставшие и озверевшие от долгой войны, солдаты требовали возвращения домой и достойной награды за проделанную работу. Но время шло, а командование молчало. Наконец, когда терпение солдат лопнуло, они попытались взять власть в свои руки и, угнав несколько транспортных кораблей, самим вернуться в Солнечную систему. Однако, несмотря на молчание, командование очень тщательно следило за обстановкой и вовремя приняло меры. Бунт был подавлен еще на самом этапе формирования, а зачинщиков и им сочувствующих расстреливали через одного. Тех, кому удалось избежать смерти, лишали званий и наград, отправляя при этом на принудительные работы в минеральные шахты на соседние промышленные планеты. Одним из таких выживших был некий Виктор. Он и еще несколько человек из его бывшего взвода, не желая мириться со своей судьбой, смогли перебить всю охрану транспортного корабля и взять его под свой контроль. Все произошло так быстро и неожиданно, что, когда информация дошла до командования, корабль был уже очень далеко. Так и начался путь наемников отряда «Закат». Они нападали на минеральные шахты, освобождали своих бывших боевых друзей, которые в знак благодарности, присоединялись к ним, увеличивая численность отряда. Всего за каких-то пару лет, из небольшой группы бунтовщиков, они превратились в силу, с которой считались и уважали. Ненавидимые официальной властью, эти воины сыскали себе славу беспощадных и грозных солдат, которые всегда шли до конца, даже если смерть уже была рядом. Все, кто был брошен, обманут, незаслуженно уволен в запас и оставлен на краю жизни без гроша в кармане, искали возможность вступить в их ряды. Наконец, когда отрицать угрозу этой наемнической группировки было уже невозможно, власть пошла на мировую и предложила им сотрудниче-

ство, где наемники имели право свободно вступать в любые военные конфликты, но ограниченным контингентом, иметь свою недвижимость на всей территории подконтрольной Верховному Совету Земли, свободно передвигаться по этой территории, не боясь преследований со стороны местных властей и еще многое другое. Наемники согласились, но с одним условием: они никогда не будут воевать бок обок с регулярными войсками, на этом настоял сам Виктор. Затем были многочисленные войны, которые порождали другие конфликты, наемники сражались там, где регулярные войска боялись сунуться, они шли в авангарде, принимая основной удар на себя и прокладывая дорогу к победе собственными костями. Генералы восхищались ими и в тайне мечтали командовать такими бойцами, но условие «мировой» было железным: наемники не принимали в свои ряды бойцов из регулярных войск, точно так же как и они сами не могли вступить обратно на службу Верховному Совету.

– Но, капитан, поправки были приняты в их военный кодекс, а нас кто-нибудь спросил?

По строю разошелся одобрительный гул.

– Все твои права, боец, прописаны у тебя в контракте, а еще там есть пункт: «неукоснительное исполнение приказов вышестоящего руководства и представителей компании». Всем вам, в том числе и мне, платят деньги за то, чтобы мы выполняли боевую задачу и не задавали при этом лишних вопросов. Я прекрасно понимаю вас, но я солдат, и мне так же как вам отдают приказы, которые я должен исполнять. Если бы я не делал этого только потому, что мне что-то не нравится, наверняка, я бы здесь столько не прослужил и не заработал бы уважение в компании. Того же я требую и от вас – неукоснительного исполнения приказов и полного подчинения, даже если придется служить бок обок с «регулярными». Грядет сезон бурь и мне бы не хотелось, чтобы вы перестреляли друг друга, поэтому оставьте свое пренебрежение и ненависть для врага, сейчас они нам союзники. Все те, кто не желает мириться с приказом, могут досрочно расторгнуть контракт и улететь завтра на последнем транспорте. Никто никого не держит – вам это хорошо известно.

Наступила гробовая тишина. Казарма замерла в ожидании продолжения, которому не суждено было случиться. Расторгнуть досрочно контракт – это был позор посильнее любого унижения. Таких бойцов презирали и старались обходить стороной, называя не иначе как трусом и слабаком. Это был признак слабости и страха, клеймо, которое нельзя было ничем смыть и навсегда закрывавшее дорогу в наемники. Наверное, именно поэтому, бойцы очень редко убегали с поля боя, оставляя свои позиции или сдаваясь в плен. Смерть была в почете, по крайней мере, за нее не презирали.

Они смирились – это читалось в их лицах, не сразу, но осознание тупиковости ситуации, вынудило принять сложившиеся обстоятельства и подчиниться приказу. Дальше были формальности: инструктаж на время сезона бурь, который многие знали наизусть, чистка амуниции и вооружения. Все продолжалось ровно до двадцати ноль-ноль по местному времени. Именно в этот час, бойцы имели право отправиться в бар и спокойно отдохнуть перед отбоем. Это был прекрасный момент, чтобы встретиться с бойцами-«регулярами», ввести их в курс дела и постараться убедить их не поддаваться и не создавать провокации, которые могли бы нанести ущерб безопасности исследовательской станции. Тяжелая и кропотливая работа, говорить с людьми я умел не очень хорошо, а примирить стороны, которые ненавидели друг друга уже очень продолжительное время, было и вовсе сверхтяжелой задачей. Но выбор был невелик, точнее говоря, его не было и вовсе: мне просто было необходимо создать условия, дабы избежать небоевых смертей на время сезона бурь.

Когда последний из моих бойцов покинул казарму, я молча сел за стол и поднес к лицу небольшой портативный компьютер. На светлом голубом экране тут же высветились списки и личные дела всех тех, кому посчастливилось попасть к нам на станцию. Выбор был большой, а вот времени на полное изучение не было вовсе. В меню настроек личных дел пришлось отфильтровать всех кто не имел боевого опыта, не принимал участия в учениях, проще говоря

юнцов, которые не знали с какой стороны взяться за оружие. Но к моему большому удивлению список ничуть не уменьшился. Наконец, когда все попытки хоть как-то облегчить себе жизни провалились, я решил изучить первое попавшееся дело: "...отличник учебы, закончил Сангорское военное училище, принимал участие в военном параде в честь окончания Второй Войны." Дальше шел длинный список наград, похвальных грамот и дипломов. Второй личное дело не порадовало какими-то нюансами, за ним третье, четвертое, пятое. Все эти бойцы были как на подбор: сильные физически и не обделенные умом, без единого замечания или выговора – это было очень подозрительно, но деваться было некуда и я просто отметил первые двенадцать человек.

"Ваши изменения обработаны. Желаете еще что-нибудь" – компьютерный голос донесся из динамиков компьютера.

– Да, пусть отмеченные бойцы поднимутся в казарму.

– Будет сделано, капитан, – издав последний писк, экран монитора погас и компьютер отключился.

Ну вот теперь самое сложное. Нервно потирая руки, вспотевшие от непривычной обстановки, я начинал выстраивать план своих действий. "Что говорить, как говорить. Пытаться взять их силой или все же прикинуться миротворцем..." К своему стыду, я никак не мог сосредоточиться и взять себя в руки. Как маленькая девчонка, которая впервые идет к женскому врачу, я нервно дожидался стука в дверь. Не из-за того, что я боялся их или потому что меня терзало сомнение, а только потому, что мне не хотелось стать виновником огромного кровавого побоища, виной которому станет моя бездарность.

Вскоре послышался металлический стук и в казарму, медленно, словно идя по минному полю, вошла дюжина солдат. Убранные, "зализанные", они холодно посмотрели на меня и, сбросив свою поклажу возле входа, выстроились передо мной. В этот момент весь мой организм преобразился, словно в минуты тяжелого боя, когда требуется максимальное сосредоточение и концентрация, он стал вести себя по-другому, спокойно и хладнокровно. Переживания исчезли, а разум стал ясным и прямым.

– Здравствуйте, бойцы!

Двенадцать здоровых мужчин хором отозвались.

– Меня зовут капитан Марлоу, Грей Марлоу. С сегодняшнего дня и до окончания вашего контракта я буду вашим командиром на этой исследовательской станции. Несмотря на то, что наши взгляды на жизнь, войну, службу, несколько отличаются, я не буду делить вас на "своих" и "чужих". С этого момента, когда ваши тела пересекли порог этой казармы, вы все, включая и прежних бойцов, являетесь моими подчиненными. Ни возраст, ни ваше отношение ко мне или бойцам иных взглядов не должны стать проблемами для службы на время вашего контракта. Оставьте ваши предрассудки за этой дверью!

Я окинул взглядом присутствующих и постарался разглядеть возымели ли мои слова хоть капельку воздействия на этих людей, но за каменными лицами было невозможно что-то понять и я, переведя дыхание, продолжил.

– Как вам наверняка известно на время действия сезона бурь, на станции, для военных или приравненных к ним, распространяется принцип "НОР", что означает "нарушил...осужден...расстрелян". Поэтому никаких конфликтов, провокаций, драк и уж тем более стрельбы. Суд будет быстрым, а наказание неизбежным. Вопросы?

Мой голос, эхом пронесся по всему помещению, но так и ничего не изменил. Я уже стал разворачиваться к столу, как вдруг услышал спокойный голос из строя.

– А что насчет ваших солдат? Как вы можете гарантировать их лояльность к нам?

Я обернулся и увидел бойца, чей голос только что, словно пуля, влетел в мой мозг. Высокий, широкоплечий, с карими глазами, которые упрямо смотрели на меня. Он стоял как раз в центре и нисколько не боялся моей реакции.

– Гарантировать? Нет, этого я не могу. Разве можно заставить полюбить человека, которого ты ненавидишь всей своей душой, но сделать так, чтобы ваши отношения не выходили за рамки установленного – это я могу.

– Как? – голос вновь нагло влез в мои слова.

– Первый кто нарушит, попадет под принцип "НОР". Как тот, кто спровоцировал, так и тот, кто повелся на провокацию. Исключений не будет. Если вы полагаете, что принадлежность к другой военной категории поможет вам избежать наказания, то спешу вас разуверить, такого не будет.

Казарма вновь погрузилась в тишину. Мертвую и безжизненную, где солдаты были лишь статуями, лица которых так и остались неизменными. Я прошел вдоль строя и заглянул в глаза каждому. В них, за искусственной ширмой дисциплины, виднелась тревога. Слабая, еле видимая, но наводившая на страшные выводы. Ведь как большой пожар, который начинается с искры, тревога могла перерасти в неприязнь, а, затем, в неприкрытую ненависть. Чувства никогда не подводили меня, на душе стало неприятно холодно, так, будто я вновь оказался за границами комплекса, обдуваемый всеми ветрами этой проклятой планеты.

Дойдя до конца строя, я отдал приказ на разгрузку. Солдаты быстро подняли свои сумки и ладным шагом направились к своим кроватям. Молча, не произнося и звука, они начали раскладывать все необходимое по небольшим тумбам, стоявшим каждая возле своей койки. Сменная одежда, предметы личной гигиены, все это и многое другое, доставалось и аккуратно складывалось на свои отведенные места. Когда же сумки опустели, тумбы набились всем необходимым, а кровати были готовы принимать своих хозяев, бойцы с такой же скоростью улеглись спать. И хоть до отбоя было еще несколько часов, я не стал делать им замечания и, усевшись за свой стол, продолжил изучать их личные дела.

(бар «Снежная буря»)

Музыка гудела как ненормальная. Сотрясая зал и барабанные перепонки она была со всех сторон, заставляя замерзшие тела двигаться еще быстрее, несмотря на наступающую ночь. Огромный танцпол был забит до самых краев, люди всех мастей, начиная от простых рабочих до наемников, бились в полупьяном экстазе, вырисовывая своими телами невероятные фигуры. В мерцающем свете их движения казались прерывистыми и ломаными, а тяжелая и томная музыка превращала все это действо в праздник нечистой силы, где не было место простому дневному свету. В самом центре, в окружении всей этой вакханалии, освещенная всего парой розово-фиолетовых ламп, находилась барная стойка. Усыпанная многочисленными разноцветными бутылками разных форм и размеров, она как оазис, привлекала к себе всех страждущих и уставших от непрерывных танцев людей.

– Я вот одного не пойму: какого черта мы тут делаем? – слегка подхмелевший Купер смотрел на женщину бармена, чьи ловкие руки подбрасывали вверх небольшую емкость для коктейлей. – Почему я не стал барменом, классная работа, море выпивки и красивых женщин. Стоишь себе на одном месте, подкидывая вверх бутылки и стаканы со спиртным, разве есть работа легче и приятней. Нет, серьезно. Мы каждый день рискуем жизнью не понятно ради чего, мерзнем как собаки на этой планете, а в награду получаем очередной боевой выход. Где справедливость?

Купер тяжело посмотрел на бармена.

– Знаешь, что я думаю, Джессика, это мой последний контракт. Мне осталось всего четыре месяца, а я уже чувствую, что постарел лет на тридцать, хотя мне всего-то тридцать. Когда все это закончится, я сниму все свои сбережения, куплю домик где-нибудь на берегу моря поближе к экватору и сразу приступлю к разработке маленьких Джейсонов Куперов. Джесс, не хочешь мне помочь в этом?

Женщина усмехнулась, затем, поставив стакан на стойку, быстро взмахнула рукой перед лицом Купера, отчего тот чуть не упал со стула.

– Ты слишком пьян для таких целей, солдат, ты даже толком сидеть не можешь, не говоря уже о том, чтобы заводить детей.

Смех посторонних посетителей заставил Купера несколько напрячься.

– Смейтесь, смейтесь. Вы только и можете это делать.

Вскоре огромный гогот, вызванный ответом барменши, утонул в нарастающем гуле танцующих посетителей. Музыка стала громче, а температура ощутимо поднялась. Люди прибывали и вскоре их стало так много, что в помещении нельзя было сделать шагу, чтобы не задеть кого-то или толкнуть. Дженкинс сидел рядом. Поглядывая на изрядно выпившего Купера, он старался не пропустить момент, когда тот начнет бушевать и распускать руки. Так бывает всегда, когда он появляется в баре, но раньше ему все сходило с рук, однако теперь, в сезон бурь, такие действия могли повлечь очень серьезные последствия. Дабы не допустить этого, высокий чернокожий солдат пересел со своего места поближе к Джейсону и, слегка подождав, стал трясти его за плечи.

– Джесс, ему больше не наливай. У нас завтра патруль, не думаю, что это пойдет ему на пользу.

Услышав эти слова, женщина попыталась вырвать стакан из рук пьяного солдата, но тот сопротивлялся до последнего, пока в дело не вступил его коллега.

– Ну вот опять, даже расслабиться толком не дают. – с нескрываемым недовольством пробормотал Купер. – Почему мне все всё запрещают? Дженкинс, старина, мы находимся в единственном месте на этой чертовой станции, где можно делать что-то не по приказу. Это райский уголок свободы. Куба в миниатюре. Весь этот комплекс – один большой сгусток уставов и правил, проклятие, здесь даже в туалет без разрешения сходить нельзя. Все контролируется и отслеживается, могу я хоть на этот маленький период времени почувствовать себя свободным и, расправив крылья, устремиться навстречу своей мечте.

– Смотри со стула не упади.

По барной вновь разлился гулкий смех.

– Знаешь в чем твоя проблема, Стив? Ты слишком серьезный, настолько, что меня, порой, тошнит от твоего угрюмого лица. Давай взбодрись! Наша жизнь и так не слишком богата на приятные вещи: серые дни, пролетающие со скоростью звука, и похожие друг на друга как патроны в пулеметной ленте, вездесущий холод, смерть, идущая за нами по пятам, одна и та же еда на завтрак, обед и ужин, которая больше похожа на отрывку дикого животного. Мы перестали быть людьми, простыми, у которых есть свои мечты и стремления, которым не чужды простые человеческие чувства. Нам приказывают убивать – мы убиваем, нас отправляют на смерть – и мы спокойно идем ей навстречу. Мы чертовы зомби, Стив! Без права на собственное мнение и возможность сделать не так как приказано. И вот сейчас, когда я так хочу забыть весь этот кошмар, утопить его в этом стакане, ты говоришь мне о том, что мы сами выбрали такой путь. Конечно, с одной стороны это так, но «превращаться в животное» такого пункта в моем контракте нет, и я не желаю, чтобы он там появился.

Купер продолжал что-то говорить, но слова потихоньку стали замедляться и стихать, пока вовсе не превратились в нечто неразборчивое и совершенно непонятное для нормального слуха. Голова медленно опускалась, руки сползли со стойки и через несколько секунд из-под носа стали доноситься слабые звуки храпа. Он уснул. Выдавив из себя последние мысли, его разум отправился на покой. Тело обмякло и, облокотившись на барную стойку, зависло в неприглядной позе.

– С этим все? – вопросительно спросила женщина, продолжая помешивать синеватый коктейль.

– Да, сегодня он больше не заказывает. Надеюсь, он тебе не слишком надоед?

Бармен смущенно опустила глаза.

– Надоел? Да нет, скорее наоборот, здесь без него было бы очень скучно. Я люблю слушать его истории, о том, как он служил и на каких планетах бывал. Знаешь, я когда-то сама хотела поступить на службу, даже подала заявку, да только не получилось. Отец успел включить все свои связи и перекрыл мне дорогу в армию. Ему всегда хотелось видеть во мне продолжателя его бизнеса, торговой империи, которую он создал с нуля. Но перспектива бумажной работы и постоянных переговоров меня не прельщала, мою душу всегда тянуло в космос, в это бескрайнее звездное небо, где можно было делать то, к чему я стремилась всю жизнь. Я помню эти потрепанные фотографии из дневника моего дяди, где он и еще несколько солдат стоят на фоне уничтоженной вражеской техники. Как он рассказывал о своих путешествиях и боевых подвигах. Это все так манило и притягивало. Я рвалась туда, но отец сделал все, чтобы этого не произошло: меня разворачивали еще на пороге вербовочных пунктов даже не дав скинуть плащ, мои документы возвращали сразу после того как я называла свое имя. Это было как проклятие, которое могло висеть надо мной всю жизнь, если бы однажды я не взяла инициативу в свои руки.

– Ты убежала из дома?

– Да, на первом же рейсе, улетавшем в самое приграничье, где только-только перестали рваться снаряды и гибнуть солдаты. Я даже не понимала толком, что буду делать дальше, просто записалась добровольцем под чужим именем и отправилась навстречу своей судьбе. Однако реальность оказалась куда менее романтической, чем мне казалось раньше. Когда видишь руины укреплений, на которых еще была свежа кровь тех, кто защищал это место, когда запах гари и человеческого мяса, смешавшись с местным воздухом, лезет тебе в легкие и заставляет желудок вывернуться наружу, тогда ты начинаешь понимать, что невозможно полюбить мир, не зная, что такое война. Я два года пробыла на той планете, видела все ужасы поствоенного хаоса, где все человеческое перестает иметь хоть какое-то значение, уступая место животным инстинктам. Видела как люди превращаются в зверей, убивая друг друга за бутылку питьевой воды, как обездоленные и беспомощные, они бросались на военные укрепления, в надежде найти там спасение, но в ответ получая лишь пулю. Это было страшно. Не об этом я мечтала всю жизнь, не такие картины снились мне по ночам, но именно это открыло мне глаза. На ту реальность, которая каждый день окружает нас и которую мы так усердно пытаемся не замечать. Нельзя винить Купера за его слова, просто он сказал то, что все мы прекрасно понимаем, но по какой-то причине не можем произнести вслух. Кому-то мешает совесть, кому-то – условия контракта и военная присяга, но от этого правда не становится правдивее, она просто отодвигается на задний план, уступая место популистским лозунгам и приказам командиров. Вот ты, Стив, ты когда-нибудь задумывался о том, что есть другая жизнь, не та к которой ты привык за все это время, иная, что протекает за стенами казарм в которых вы проводите почти все свое время?

Дженкинс не сразу, но обратил внимание на вопрос Джессики, затем слегка потянувшись и выпустив легкую струйку сигаретного дыма, посмотрел на нее.

– Конечно, каждый день об этом думаю, но мы люди совершенно другого сорта, мы рождены для других целей. Каждый человек, появившийся на свет, несет с собой некую цель, предназначение, с которым ему суждено прожить всю жизнь, от нас же требуется понять в чем оно заключается. Я был простым механиком, грузчиком, пилотом грузового корабля и еще бог знает кем, но истинное свое назначение я нашел лишь тогда, когда взял в руки оружие, когда впервые увидел, как поверженный враг падает на землю и перестает сопротивляться. Здесь, в окружении таких же солдат, я чувствую себя как рыба в воде. Пусть, порой, мы делаем плохие вещи и делаем это за деньги, но мы все так же остаемся людьми, солдатами, преданных своему делу. Я не пытаюсь оправдаться, просто говорю так, как считаю правильным. Моя жизнь, моя работа, это череда побед и поражений, где после каждого нокаута я вставал и продолжал

биться. Когда мне было четырнадцать лет, меня избил соседский парень, она был выше меня на голову и каждый раз, видя как я шел со своей смены, пытался меня ударить. Я терпел его, старался не замечать всех этих синяков и побоев, но время шло, зло копилось, а он все никак не успокаивался. Наконец, в один из последних рабочих дней, когда вся смена уходила на двухдневный отдых, мне удалось стащить из складского помещения здоровый железный ключ, такой, которым закручивают гайки на металлических креплениях, и спрятать в своей сумке. Уже идя домой, я знал, что буду делать, и был готов к последствиям. Честно скажу, мне не хотелось его сильно бить, но когда я смог остановиться, перевести дух, чтобы встать и убежать домой, на его теле не было живого места. Он напоминал огромный окровавленный кусок мяса, который уже перестал дышать. Потом был суд и публичное выдворение моей семьи за пределы этой планеты. Тогда нам пришлось испытать очень многое: боль, унижение, оскорбления в адрес моих матери и отца, очень многое. Однако улетаая оттуда, я ощущал что-то совершенно другое, чувство, которое раньше мне не доводилось встречать. И только спустя много лет я понял, что это было – чувство победы и справедливости, пусть и достигнутое таким путем. Оно следовало за мной всюду, отголоски той самой драки, где я несколькими тяжелыми ударами предрешил свою дальнейшую судьбу. Я не жалею, что все произошло именно так и, что вся моя жизнь это один сплошной бой, но я люблю то, чем я занимаюсь, здесь я в своем мире и менять что-то не собираюсь.

Стив поднес ко рту догорающую сигарету и, обняв ее кончиками губ, вдохнул все содержимое в легкие. Музыка продолжала играть. Зал и танцпол были битком набиты людьми. Люди стремились сюда невзирая ни на какие преграды: ни усталость после рабочего дня, ни позднее время, ничто не могло их остановить. Они, словно бурлящая река, прорвавшая бетонную плотину, кипели и бурлили. Их головы были туманны, тела возбужденны, а разум витал где-то в высоте. Они были свободны, пусть на этот короткий вечер, пусть всего на пару часов, но свободны по-настоящему, не подчиненные и неподконтрольные ничему и никому. Наверное, это и было то, о чем говорил Купер, но теперь это уже неважно, ведь завтра, когда ледяное солнце этой системы поднимется на небосвод, эти люди оденут свои обычные одежды и отправятся на свою привычную работу, чтобы к концу рабочего дня, вновь обрести свободу.

3.

В кабинете царила могильная тишина. Огромные механические часы, стоявшие в самом углу помещения, молча, чеканя свою поступь, указывали на половину первого ночи. Он молчал. Я смотрел на него и ждал, когда все начнется. Несколько раз, пытаясь пробить эту мертвую тишь, я хотел сорваться и начать первым, но видя серьезный вид генерала, отбрасывал эту затею. На его лице выступили морщины – возраст брал свое. И хоть здоровья ему было не занимать, справиться с таким врагом как "время" не мог даже он.

– Что ты об этом думаешь, Грей? – резко начал Свиридов.

Несколько опешив от столь быстрого начала, я слегка приподнялся со стула.

– Это чистой воды самоубийство, генерал. Если мы отправимся туда, то там мы и останемся. План спасения провален изначально, да и почему никто не знал про этих ученых?

Генерал тяжело выдохнул. В его глазах читалось раздражение всей этой ситуацией.

– Потому что очкастые агенты решили не посвящать нас в подобные дела. Результат оказался очевидным. Я сам узнал об этом всего пару часов назад и понятия не имею, что делать дальше. Согласно договору, мы обязаны отправить туда спасательную группу, но..., – он опять тяжело выдохнул и, проведя рукой по седым волосам, оперся на стол, – это смерть. И я не хочу этого. В ближайшее время подкрепления не будет, синоптики передают, что в этом году буря сформируется как никогда сильной и ничто живое не сможет там выжить.

Он легонько провел ладонью по настольному планшету. Через секунду, вздымаясь вверх, появилось легкое разноцветное сияние, которое вскоре превратилось в полноценную гологра-

фическую модель планеты. Она медленно вращалась вокруг своей оси, и до последней детали копировало космическое тело.

– Последний сигнал поступил от них вот отсюда, – Свиридов указал пальцем на небольшую точку. Масштаб мгновенно увеличился и перед глазами возникло небольшое плато, вокруг которого были разбросаны многочисленные заледеневшие валуны. Затем, не отпуская пальца, он провел маршрут до самой нашей станции, в конце которого высветилась цифра 282.

– Далековато забрели наши ученые. Триста километров к северо-востоку отсюда? Хм, хотелось бы мне узнать, что они там искали. Ни скал, ни укрытий, надо быть либо полным психом, либо действительно очень заинтересованным, чтобы отправиться туда.

–Позвольте мне объяснить всю суть, мистер Марлоу.

Голос возник из неоткуда. Мягкий, почти ребяческий, он доносился из-за моей спины, но в тоже время в нем чувствовалось железное спокойствие, которое нельзя было ничем нарушить. Худощавый мужчина невысокого роста, он был настолько исхудавшим, что скулы выпирали наружу, а костлявое тело так и норовило развалиться на части. Не испытывая никакой смущенности по поводу такого наглого вторжения в чужой кабинет, он прошел вглубь и спокойным взглядом окинул всех нас. Его руки пробежали по краю деревянного стола, стуча и пощелкивая, они пробежались по всей длине и, добравшись до другого конца, тихонько остановились.

– Генерал, не могли бы вы оставить нас наедине с капитаном, мне бы хотелось кое-что обсудить с ним.

Я был удивлен таким поведением, но генерал спокойно развернулся и, кинув на меня беглый взгляд, вышел из кабинета. Когда шум закрывающейся двери затих в мертвой тишине, а шаги генерала утонули в глубине длинного коридора, незнакомец, обогнув деревянный стол, медленно опустился в кресло. Его лицо осталось неизменным, казалось, ничто в этом мире не могло изменить эту железную гримасу. Он смотрел прямо на меня, изучающее, так, как это обычно делали работорговцы, выбирая очередного раба и думая, сколько можно за него заплатить. Презрение и высокомерность так и выпирали из него, но все это оставалось где-то там, внутри этого костлявого тела, там, куда был закрыт доступ обычным смертным.

– Удивительно смотреть на вас, мистер Марлоу, даже сейчас, когда нас разделяет всего пара метров, вы держитесь так, будто ничего не произошло и пытаетесь спокойно оценить ситуацию. Я знаю, о чем вы сейчас думаете – это читается в ваших глазах, а они никогда не скроют истины, они как зеркало, отражают всю сущность человека.

– Кто вы такой?

– Меня зовут Джозеф Гибкинс. Я генеральный директор компании Солид Корпарейшен. И пусть вас не пугает мой внешний вид, я тот за кого себя выдаю. Сегодняшняя ситуация, какой бы она глупой и абсурдной не казалась в ваших глазах, является приоритетной целью на ближайшие несколько месяцев. Наши конкуренты очень сильно заинтересованы в том, чтобы снизить наше присутствие в этом регионе, а в будущем – и на этой планете. Этого, как вы сами понимаете, я допустить не могу по ряду причин, поэтому, чтобы держать ситуацию под контролем, я принял решение самому прибыть на станцию и лично руководить всеми важнейшими делами, связанными с жизнедеятельностью исследовательского комплекса. Пусть вас не терзают сомнения, но с большой долей вероятности, я могу сказать, что на кону стоит не только будущее станции, но и будущее моей компании, крах которой, неизбежно повлечет за собой нестабильность во многих регионах, где находятся наши представительства. Ученые, спасение которых вам будет поручено, занимались одним очень важным делом, в которое я не могу вас посвятить... пока не могу. Но именно от тех результатов, которые они смогли получить за последние полгода, будет зависеть вся последующая работа и ваша судьба, мистер Марлоу. Секретность, с которой они прибыли сюда и работали последнее время, была обусловлена той деятельностью и теми возможными результатами, которые они могли получить. К сожалению

нию, нашим конкурентам стало известно об этом и по слухам, глава конкурирующей компании отдал приказ на поиски наших ученых. Однако им известен лишь общий район их работы, но никак не точнее местоположение – это как раз нам на руку. Несколько дней назад мы получили от них сигнал о помощи, в котором они просили немедленно забрать их. Спустя несколько часов, контакт с группой оборвался. Мы пытались несколько раз выйти с ними на связь, но все было безуспешно. Ваша задача, мистер Марлоу, добраться до места последнего радиоконтакта и забрать все, что может, так или иначе, содержать информацию об их исследованиях. По возможности, постарайтесь эвакуировать выживших, если они будут, конечно. Я уже все уточнил: синоптики обещали погодный коридор на ближайшие два часа, потом это место накроет буря и смысла в спасательной операции просто не будет.

Дождавшись, когда последние слова растворяются в тишине, я встал со стула и посмотрел на него.

– Я могу идти?

Гибкинс улыбнулся. И в этой костлявой улыбке было что-то недоброе, такое, что заставило меня насторожиться.

– Конечно, капитан. Я буду ждать от вас положительных новостей.

Улыбка пропала, а на смену ей пришло привычное мертвое лицо, без капли эмоций и намеков на человечность. Я ушел так быстро как мог, не оглядываясь и стараясь быстрее покинуть этот этаж, но эта улыбка продолжала витать у меня перед глазами. Я повернул в сторону лифта и быстрым шагом направился к нему. Он нес меня вниз, прямо к казармам, где в это время, едва уснув, находился мой батальон. Мой разум уже рисовал, что будет дальше: злые, они вспрыгнут со своих кроватей и начнут быстро одеваться. Проклиная все на свете, они построятся в одну шеренгу и, шатаясь от еще не отступившего сна, побегут к главному входу, чтобы через несколько минут погрузиться в транспортный корабль. Так все и произошло... они кричали, матерились, их ругань была такой сильной, что эхо от него было слышно в соседних помещениях. С каждой пройденной секундой их тела обрастали новыми слоями из ткани, а затем и специальной брони. Вскоре, они были готовы: уставшие и тяжело дыша, они смотрели на меня и ждали приказа. Отдав последние инструкции и указав на выход, я быстро побежал в свой кабинет. Там, в ящике находилась моя броня. Сбросив все ненужное, я стал быстро одеваться и с каждым элементом этого комплекта, мое тело начало проседать под нарастающим весом. Когда же все было готово, я бросился к лифту и, опустившись в главный зал, побежал вслед за своим батальоном.

– Здравствуй, капитан. Что-то вы сегодня рано.

Компьютерный голос отзывался в динамиках.

– Включай системы, Хельга, мы выходим.

Через мгновение вся лицевая панель шлема засветилась яркими огнями. Компьютер выводил на голографический монитор всю необходимую информацию: герметичность, температуру и прочее. Все пространство перед глазами было забито многочисленными цифрами и пестрящими индикаторами. Система начала настраиваться.

Батальон уже ждал меня возле транспортного корабля, накрытый ночной пеленой, он был похож на огромный призрак, ждавший, когда ночь войдет в свои права, чтобы взмыть в небо и улететь прочь от этого места. Двигатели разогревались. Вздывая в воздух огромные клубы снега и льда, он готовился к отправке.

– Все готово, капитан, мы можем отправляться. – хриплый голос пилота послышался в динамиках. Я махнул рукой и весь батальон взбежал по подготовленному трапу. Уставшие и невыспавшиеся, они тяжело падали на свои места, закрепляя на своих телах предохранительные ремни. В общем канале связи послышалось недовольное бормотание, кто-то из бойцов проклинал всех, кто так или иначе причастен к этому вылету. Но времени на выяснение отношений не было. И пусть они были недовольны, они все так же оставались солдатами, знав-

шими, что у таких как они, выходных не бывает и, что каждая минута может быть ознаменована боевой тревогой. Они все это знали и, вскоре ропот прекратился, а канал связи погрузился в тишину. Брюхо стало закрываться. Огромный металлический трап, под действием подъемных механизмов, стал медленно подниматься, оставляя сон и спокойный отдых за своим бортом. Корпус стало трясти и «Слон» начал отрываться от посадочной площадки. Стыковочные лапы, служившие до этого опорами этому громоздкому кораблю, медленно прятались в днище корпуса, издавая при этом ужасный металлический лязг, который просачивался даже через герметичную броню. Затем последовал резкий толчок, двигатели, взревев и выдавив наружу огромное количество энергии, начали разгонять транспортный корабль. Сила, с которой это происходило, давила на все, что находилось внутри брюха и заставляла солдат вцепляться в поручни как в последнее, что могло спасти их жизни.

– Готовность пятнадцать минут, капитан.

Эти слова были как бальзам на душу. Они грели мое сердце и заставляли тело терпеть все эти перегрузки, которые сейчас испытывал каждый сантиметр моей кожи. Скорость увеличивалась, я ощущал это и, сжав зубы, продолжал считать секунды до окончания полета.

Внезапно произошел удар. Резкий и мощный, от которого корабль сильно встряхнуло и начало валить на бок. Что-то очень сильное ударило прямо в боковую часть корабля. В канале послышался крик вперемежку с истошной руганью. Пилот кричал во все горло и слова неразборчиво влетали в общий канал, заглушая прочие голоса. От всего этого в ушах повис сильный свист. Он как пуля влетел в мою голову и разорвал все внутри. Я почувствовал резкую боль в области висков и машинально, отпустив поручни, схватился обеими руками за шлем. Она просачивалась в самый центр моей головы. Как крот, который не видит своего пути, ориентируясь исключительно на осязание, она медленно вгрызалась и рыла себе тоннель прямо в центр моего мозга. Слабость и напряжение одновременно охватили все тело: ноги, до этого прочно стоявшие на металлическом полу, обмякли и были не в состоянии держать огромный вес брони. Они валялись на бок, подкашивались, но ни в какую не хотели стоять. Сменяя друг друга, слабость и напряжение, перемещались по всему организму. Неимоверная сила в мышцах через мгновение сменялась мертвятской слабостью. Руки, ноги, все тело испытывало такую дикую и нестерпимую боль, что зубы, сжимаемые с невероятной силой, начали скрипеть и норовили сломаться. Корабль продолжало трясти и, на этот раз, все было еще хуже. Крутясь и маневрируя, тяжелый «слон» выделял в воздухе невероятные для такой махины пируэты. То, вздымаясь вверх, то опускаясь чуть ли не до самой земли, корабль пытался вырваться из навалившейся на него бури. Будто живая и ведомая какими-то неизвестными силами, она преследовала тяжелый корабль и старалась не пустить его к намеченной цели. Удар с боку, потом еще один. Металл гнулся, но продолжал достойно держать напор стихии, которая с силой наваливалась снова и снова. Наконец, когда боль в голове и теле достигла своего апогея, когда сил держаться и терпеть больше не было, стихия нанесла свой последний удар. Он был такой силы, что ремни на моей груди разорвались и мое тело, словно теннисный мячик, выбросило вперед.

Боли не было. Она стихла так же быстро как и появилась. Только неприятное чувство, доносившееся откуда-то со спины, начало просачиваться в мозг и заставило открыть глаза. Все перед ними плыло и искажалось, многочисленные показатели и индикаторы продолжали появляться и сигнализировать о текущей ситуации, но измученный мозг категорически отказывался анализировать их.

– Капитан! – знакомый голос появился в канале и заставил мозг слегка взбодриться. Затем, чьи-то руки подхватили меня и принялись тащить в сторону трапа, откуда с неистовой силой начал прорываться ледяной ветер. Все вокруг было задымлено и горело ярким пламенем. Датчик внешней температуры указывал на повышение, так, будто я находился в самом эпицентре огромного пламени. Прозвучал взрыв. Тело вновь подкинуло вверх, а затем, уносимое взрывной волной, выбросило наружу. Канал забурлил: слова, крики и ругань, заполнили его.

Я открыл рот и постарался вызвать пилота, но, заглушаемые криками бойцов, слова утонули в мольбах о помощи. Тело вздрогнуло. На секунду мне показалось, что это смерть, но руки стали наполняться силой, а ноги послушно сгибаться. Сделав движение, затем другое, ко мне пришло осознание полного контроля своим телом. Я подтянул ноги к себе и, повернувшись, встал в полный рост. То, что я увидел, просто потрясло меня: объятые пламенем и клубами черного дыма, остатки «слона» были разбросаны по всей округе в радиусе нескольких десятков метров. Среди них, не двигаясь и не подавая никаких признаков жизни, лежали тела солдат.

– Хельга, доложи обстановку. Хельга!

Но бортовой компьютер молчал. Я еще несколько раз прокричал ее имя, однако ответа так и не получил. Ветер стал ослабевать. Снег, который падал до этого огромными хлопьями, прекратился, и многие из тех, кого я считал убитыми стали появляться в канале связи. Нервное бормотание и проклятия вновь наполнили его. Я постарался подойти поближе к «слону», но, несмотря на низкую температуру воздуха, пламя было таким сильным, что приборы яростно кричали об опасности такого близкого контакта. Когда же до транспортного корабля оставалось пару десятков метров, я остановился. Смотреть было не на что – все кто не смог выбраться оттуда были мертвы. Высокая температура скрутила металл, превратив его в несуразное зрелище, в котором не могло остаться жизни. Сердце билось как сумасшедшее. Оглянувшись по сторонам, я увидел нескольких бойцов, они несли на своих плечах тех, кто еще дышал и был способен двигаться. Подняв оружие с земли и проверив его исправность, я двинулся в сторону выживших. Ноги тонули в снегу, а огромный вес брони усложнял и без того тяжелый шаг.

– Куп!... Дженкинс!... Кто-нибудь отзовитесь в канал!

Тишина. На мой призыв никто не откликнулся. Только легкое шипение, вызванное помехами, все также доносилось из динамиков. Я смотрел вперед, там, освещенные догорающими остатками транспортного корабля, бойцы занимали «круговую», укладывая раненых в центр. С каждым шагом мое тело все сильнее погружалось в снег, но я продолжал идти. Подняв оружие над собой и, сделав сильный рывок, мое тело выскочило из сугроба на твердую поверхность, которая была довольно прочной, чтобы удержать меня. Несколько бойцов, увидав как я двигаюсь в их сторону, схватили оружие и побежали ко мне.

– Капитан, я рядовой Маккловски, из новобригиров, – он забросил мою руку себе на плечо, – мы потерпели крушение. Буря буквально свалила наш транспорт на землю. Даже не представляю как мы уцелели.

– Что с остальными? – хриплым голосом спросил я.

– Понятия не имею. Здесь все, кого мы смогли найти, остальные на связь не выходят.

Это было плохо. Два часа коридора, отведенные нам природой и Гибкинсом, теперь могли стать для нас отсчетом до нашей смерти, ведь, когда он закроется, а буря накроет это место, мороз и сильный ветер довершат то, что не смог сделать взрыв.

– Как далеко мы упали до места назначения?

– Примерно полтора километра до последнего места радиоконтакта, если мы хотим хотя бы выполнить задание, мы должны двигаться капитан. Мертвых уже не поднимешь, и помочь мы им вряд ли чем-то сможем.

Наверное, так оно и было. Что толку от того, что мы начнем собирать трупы. Даже если мы выполним задание, даже если сможем вернуться обратно на место крушения нашего транспорта и послать сигнал о помощи, время будет уже на исходе и ни один транспортный корабль не осмелится лететь сюда. Я посмотрел на небо – оно было на удивление чистым. Многочисленные звезды, словно конфетти, были разбросаны по нему и молча наблюдали за нами с высоко. Обидно, что спустя всего каких-то пару часов вся эта красота будет закрыта непроглядной белой пеленой наступающей бури.

Стыдно признаться, но боец был прав, если уж шансов на спасение у нас не было, то нужно было хотя бы выполнить задание, а там как карта ляжет. Может нам повезет и мы

наткнемся на какое-нибудь укрытие. Должны же были эти ребята где-то спать и пережить бурю, а значит там, в полутора километрах отсюда был маленький шанс на наше спасение, тот маленький огонек, на который слетаются мотыльки в ожидании спасения.

Внезапно где-то вдалеке послышался шум, крик, доносившийся со стороны догорающих остатков «слона». Еле слышимый и утопающий в редких, но очень сильных порывах ветра, он приближался к нам. Силуэт становился четким, а вместе с ним и то состояние бойцов, которые так надрывисто звали на помощь.

– Дженкинс!

Сигнал его личного маяка тут же высветился у меня на приборах. Компьютер мгновенно выдал информацию о его состоянии, и оно было незавидным. Хромая на одну ногу, Стив обеими руками держал тело другого бойца, которое так и норовило выскользнуть и упасть на снег.

– Это Купер, он без сознания.

Дойдя до остальной части команды, он опустил тело и начал осматривать броню на наличие повреждений. Руки скользнули по всей поверхности и принялись тщательно нащупывать любые вмятины и сколы, которые могли нарушить герметичность брони и привести к неминуемой гибели солдата. Но броня была цела, она смогла выдержать удар от падения, хотя ее хозяину досталось куда больше, чем это могло показаться на первый взгляд. Чернокожий боец повернул голову в мою сторону и кивком указал на остальных бойцов, занявших круговую оборону.

– Это все? – голос Стива послышался в динамике.

– Боюсь, что да, хотя на мгновение я подумал, что и вы оба тоже мертвы.

– Честно говоря, но когда наш корабль начал валиться, я уже попрощался с жизнью. Такой тряски мне еще не доводилось чувствовать..., – на секунду он замолчал, – очнулся от дикой боли в правой ноге, которая и заставила меня начать двигаться. Я лежал под огромным куском трапа, который воткнувшись острием в землю, висел надо мной и через несколько секунд, после того как встал, упала прямо на мое место. Проклятье! Я должен был умереть уже два раза!

– А с ним что? – я указал на Джейсона.

– Он лежал дальше всех, припорошенный снегом и в окружении обгоревших металлических частей корабля. Его бортовой компьютер не отвечал на мои запросы, но автономные датчики указывали, что жизнь в нем еще присутствует. Я не мог его бросить, хотя инструкция говорила об обратном.

Последние слова были очень кстати ко всему этому разговору, ведь инструкция бойца-наемника была своего рода библией для тех, кто зарабатывал себе на жизнь наемничеством и войной за деньги. Она составлялась не один год и была написана кровью тех первых, кто стал называть себя наемниками. Поначалу никто особо не придавал ей значение и выполнение ее пунктов сводилось лишь к подчинению вышестоящего руководства, но чем быстрее развивались организации «Закат» и «Рубикон», пополнявшие свои ряды в большинстве случаев бывшими кадровыми военными, тем актуальнее становилось выполнение этой инструкции. Взяв за основу военную, наемники убрали из нее весь идеологический мусор, оставив исключительно техническую и практическую часть. Дополнив собственными идеями и наработками, она шлифовалась и совершенствовалась несколько лет, каждый военный конфликт, каждая война, будь то маленькая или межпланетного масштаба, приносила в эту инструкцию что-то новое и полезное, а заодно и проверяла практическую полезность всего того, что было в ней записано. Несмотря на всю критику со стороны некоторых наемников, польза от нее была очевидна. Если раньше, за время военного конфликта, на полях сражений погибала почти половина всех наемников, то с введением обязательного и неукоснительного выполнения инструкции, потери бойцов всего за полгода упали почти до десяти-пятнадцати процентов от общего количества воюющих в каждом конфликте. При этом результат был практически неизменным

– задача выполнялась и бойцы получали свои деньги. И один из таких пунктов гласил: «... Боевая задача – есть главная цель. Выполнение ее является приоритетной для каждого бойца, она должна быть выполнена несмотря ни на что и, не считаясь ни с чем. Все, что может стать препятствием или обузой на пути ее выполнения должно быть оставлено на том же месте, где и найдено.» Очень суровый пункт, ведь каждый боец понимал, что будь он ранен на поле боя и не способен самостоятельно двигаться, вряд ли кто-то из его боевых друзей, которые всего пару часов могли пить с ним пиво, решили бы вернуться и спасти его. Поэтому, очень многие нарушали его, считая такие меры необоснованными.

И вот теперь, глядя на тело Купера, которое все еще подавало признаки жизни, я думал, как поступить. До лагеря ученых было почти рукой подать, но нести тело в такую погоду и по глубокому снегу, который засасывал любого, кто неосторожно ступал на него, было еще хуже. Коридор был не вечен, и время играло против нас. Это понимал и Дженкинс.

– Я знаю о чем вы думаете, капитан. Не надо себя накручивать, мы все солдаты и прекрасно знали, на что идем. Купер хороший боец, но жалость в такой ситуации может повлечь куда большие потери. Думаю, он бы понял нас.

Встав в полный рост и оттащив тело Купера поближе к центру, он достал из небольшого выдвижного кармана ИМП. Слегка подождав, Стиф, вытащил оттуда небольшой шприц и вколол все содержимое в специальное отверстие на внутренней стороне его левой руки, которое было предназначено для экстренных медицинских инъекций в боевых условиях.

– Это должно поддержать его жизнь на некоторое время. Если у нас все получится и мы успеем вернуться сюда, то он еще будет жив.

Холодный, абсолютно бесчувственный голос Дженкинса пролетел в общем канале. Кому-то даже показалось нелепым и оскорбительным такое отношение к человеку, который прослужил с тобой столько лет. В канале слышались упреки, но Стиф не реагировал на них. Он молча стоял впереди всех и смотрел в ту сторону, где находилось расположение ученых.

– Ты прав, Стиф, надо идти. Времени в обрез.

Я встал на ноги и, подняв оружие, скомандовал построение. Солдаты тут же выстроились в колонну и широким, насколько это было возможно, шагом направились в сторону цели. Полтора километра – это было немного, но чертова планета и подконтрольная ей погода делал все наоборот. Каждый шаг, каждое движение давалось с таким трудом, что пройденные метры, казались настоящим подвигом. Тьма наступала. Чем дальше мы удалялись от догорающих остатков корабля, тем сильнее она окружала нас и накрывала собой. Мы шли так быстро как могли, но счетчик расстояния будто не видел и не чувствовал наших усилий. Он медленно и сухо отсчитывал пройденный путь, не давая поблажек и снисхождения. Дорога извивалась. Я старался идти и выбирать путь с наименьшим снежным покровом, но там, где, казалось, все было ровно и земля спокойно могла бы выдержать многотонный корабль, солдаты утопали по самую грудь, едва ступив на ее поверхность. Прорываясь и скалывая заледеневшую корку, бойцы молча и упрямо двигались к намеченной цели.

Вскоре, где-то вдалеке, за многочисленными ледяными валунами, торчащими из замерзшей земли, я смог увидеть странное возвышение. Усилив до предела встроенный «визор», во мраке ночи, в самом центре плато, устремив свой металлический шип вверх, возвышалась радиовышка. Слегка погнувшаяся от ледяной стихии, она все еще мигала еле тусклым зеленым светом.

– Она работает? Значит там есть энергия и мы сможем вызвать корабль прямо сюда. – радостный голос возник в общем канале связи.

Но внезапно нахлынувшая радость, вскоре сменилась настороженностью и дурным предчувствием. Солдаты остановились и принялись осматривать местность. Однако ночь не хотела раскрывать все свои секреты, и как бы они не старались, разглядеть что-то не удалось. Бросив последний взгляд на одиноко стоявшую вышку, я отдал приказ в канал связи.

– Дженкинс, возьми бойцов и обойди с фланга. Если это засада, ты прикроешь нас.

От основной колонны тут же отделилась небольшая группа, которая вскоре растворилась в темноте.

Выждав одну минуту, остальные солдаты последовали за мной вперед. С каждым шагом вышка становилась все больше. Земля под ногами стала твердой, а уровень снега постепенно снизился до минимального. Удивившись столько непривычной твердой поверхности, солдаты начали осматривать ее.

– Капитан, вы думаете о том же, что и я? – шепотом произнес рядовой Маккловски.

Опустившись на одно колено, я провел рукой по поверхности, затем окинув взглядом все пространство вокруг, положил оружие на землю..

– Это не плато. Это озеро. И вода в нем чертовски горячая.

Тепло, исходящее от поверхности ощущали все датчики на броне. Они сигнализировали о высокой температуре где-то в глубине и площадь всего этого, просто поражала.

– Двигаемся дальше.

Солдаты поднялись с мест и направились напрямиком к вышке. Здесь, в окружении нескольких высоких валунов, находилась небольшая станция. Расположение ее было выбрано практически идеально: ночью издалека она была практически невидна, а днем, из-за сильных метелей, которые бушевали здесь почти все время, разглядеть ее не представлялось возможным. Вскоре подошла и группа Дженкинса. Они обошли лагерь ученых с боку и подтвердили безопасность. Главные двери лагеря были открыты и, войдя внутрь, автономная система сразу активировала программу жизнеобеспечения. По телу тут же скользнули многочисленные лазерные отблески, которые, пробежав с ног до головы, пропали так же быстро, как и появились.

– ПОДТВЕРЖДАЮ НАЛИЧИЕ ЛЮДЕЙ НА СТАНЦИИ. ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ: СОЛДАТЫ...КАТЕГОРИЯ: НАЕМНИКИ... СТЕПЕНЬ ОПАСНОСТИ: МАКСИМАЛЬНАЯ. ДАЛЬНЕЙШАЯ РАБОТА БУДЕТ ПРЕКРАЩЕНА ВВИДУ ОПАСНОСТИ ВАШЕГО ПРИСУТСТВИЯ В ЛАГЕРЕ.

Электронный голос компьютера появился в помещении.

– Я капитан Марлоу. Работаю на компанию Солид Корпарейшен. Прибыл в лагерь с целью эвакуации ученых и всей доступной информации, накопленной за время работы.

Наступила тишина. Компьютерный голос ничего не ответил, но и не отказал нам в разговоре, ведь если бы это произошло, системы тут же отключились и мы бы остались ни с чем.

– КАПИТАН МАРЛОУ...ПОДТВЕРЖДАЮ... КОМПАНИЯ СОЛИД КОРПАРЕЙШЕН...ПОДТВЕРЖДАЮ. ДЛЯ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕОБХОДИМА СВЯЗЬ С ВАШИМ КОМПЬЮТЕРОМ.

Я подошел к небольшой панели и положил туда правую руку. Автономная система тут же начала считку личной информации, которая хранилась в бортовом компьютере каждого бойца.

– КАПИТАН МАРЛОУ, 42 ГОДА, ВОЕННЫЙ СТАЖ 23 ГОДА, ОРГАНИЗАЦИЯ «ЗАКАТ». ЗАКЛЮЧЕН КОНТРАКТ С СОЛИД КОРПАРЕЙШЕН. БЕЗОПАСНОСТЬ...ПОДТВЕРЖДАЮ. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, КАПИТАН.

Голос стих и бойцы быстро вошли в помещение. Двери автоматически захлопнулись и всё внутри тут же начало нагреваться. Датчик указывал на стремительное повышение температуры, которая вскоре достигла нормальных значений для помещений такого рода. Уровень кислорода был в норме и, чтобы не тратить сил на фильтрацию, я решил снять шлем. Теплый воздух сразу проник в мои легкие, но привычной тошноты и головокружения почему-то не возникло, что навело меня на странные мысли. Солдаты, последовали моему примеру. Глотая воздух мелкими порциями, они старались избежать тех самых последствий, что бывают при быстром переходе от фильтрованного воздуха к менее привычному.

Теперь можно было осмотреться: на первый взгляд здесь не было ничего такого, чтобы отличало это помещение от всех прочих, в которых сутками любили работать ученые. Такая же аппаратура, сотни непонятных снимков, отчетов, документов с различными цифрами и показателями. Несведущему человеку все это казалось простым мусором, но вот что из них действительно имело ценность, нужно было узнать наверняка. Я прошел вглубь помещения. Судя по выдержанной и строгой обстановке, оно принадлежало главному ученому, который заведовал и руководил всем процессом. На столе, под заваленными бумагами блеснули небольшие очки, одна дужка из которых была сломана.

– ОНИ ПРЕНАДЛЕЖАЛИ ПРОФЕССОРУ ЦИМЕРМАНУ.

Опешив от внезапно появившегося голоса, я отпрыгнул в сторону и стал оглядываться по сторонам.

– Ты следишь за мной?

– НАБЛЮДАЮ. ЭТО ВХОДИТ В МОИ ОБЯЗАННОСТИ СОГЛАСНО ПРОТОКОЛУ БЕЗОПАСНОСТИ № 3.

Я поднял глаза и увидел небольшую камеру, висевшую под самым потолком.

– Уточни.

– В СЛУЧАЕ ДОЛГОГО ОТСУТСТВИЯ ЧЛЕНОВ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, ЛИБО ИХ СМЕРТИ, ВОЗНИКШЕЙ В РЕЗУЛЬТАТЕ ВНЕШНЕГО КОНФЛИКТА, МНЕ ПРЕДПИСАНО ЗАКОДИРОВАТЬ ИНФОРМАЦИЮ, ИЛИ УНИЧТОЖИТЬ ЕЕ В СЛУЧАЕ ВООРУЖЕННОГО НАПАДЕНИЯ. ОДНАКО, ТАК КАК ВЫ ЯВЛЯЕТЕСЬ СОТРУДНИКАМИ КОМПАНИИ СОЛИД КОРПАРЕЙШЕН, Я ОБЯЗАН НАБЛЮДАТЬ ЗА ВСЕМ ПРОИСХОДЯЩИМ ВНУТРИ ЛАГЕРЯ. ЭТО ЗАЛОЖЕНО В МОЕМ БАЗОВОМ КОДЕ.

– Где все ученые?

– ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ ДАТИРУЕТСЯ ТРЕМЯ СУТКАМИ РАНЕЕ И БЫЛА ВНЕСЕНА ПРОФЕССОРОМ ЦИМЕРМАНОМ.

– Где я могу с ней ознакомиться?

– ОН ЗАПИСАЛ ЕЕ НА СВОЙ КОМПЬЮТЕР.

Голос искусственного интеллекта пропал и через несколько секунд, черный экран монитора, стоявший на столе профессора, стал включаться. На бледно-голубом экране, в правом-верхнем углу мигало небольшое сообщение. Я подошел к столу и увидел небольшую запись, датируемую как раз тремя сутками ранее. Нажав на нее, на экране появилось лицо старого человека, который, наверняка, и был тем самым профессором.

– На часах двадцать три тридцать, – его голос был уставшим, но радость все равно чувствовалась в нем, – Несмотря на поздний час и сильную усталость, я просто не могу не поделиться радостными известиями. Уже сейчас, практически со стопроцентной уверенностью, я могу сказать, что мы стоим накануне грандиозного открытия. Наша работа, которая длилась все это время не прошла даром. Конечно, мы все были уверены, что нам предстоит узнать что-то новое. но чтобы масштаб открытия был таким огромным, не мог представить даже я сам. Наш лагерь находится в центре одного из самых крупных геотермальных озер, настолько огромных, что до последнего времени мы не знали точно даже его размеры. Эти озера, они как колодцы жизни, разбросаны по всей поверхности планеты. Вокруг них, под огромным слоем льда и снега, в многочисленных пещерах, уходящих глубоко вниз, природа создала идеальные условия для жизни. Нам даже удалось добыть образец некоего растения, чьи зачатки только-только стали прорастать. Эта планета не мертва, как может показаться сразу, она жива и живет своей жизнью, но не здесь на поверхности, а там, глубоко внутри. По моим предположениям, все эти резервуары с кипящей водой связаны между собой, как кровеносная система, они дополняют друг друга, уменьшая объем в одном и пополняя другие. Только так я могу объяснить постоянные колебания уровня кипящей жидкости в колодце. Но не это самое главное. Последнее время наши приборы стали фиксировать огромные энергетические всплески

под землей. Их эпицентр находился далеко отсюда и, наверняка, под землей, но сила их была такова, что некоторые приборы выходили из строя. После того как вспышки прекращались, уровень жидкости в озере начинал резко падать, затем, дойдя до определенного уровня, возвращался обратно, сопровождаемый все теми же энергетическими выбросами. Поначалу мы не могли найти объяснение этому явлению, но вскоре, проведя определенные научные исследования, сопоставив время и продолжительность вспышек, я сделал вывод: чтобы это не было, но оно работает как огромное сердце. Перекачивая жидкость из одних озер в другие, тем самым поддерживая жизнь по всей планете. Однако, все это лишь предположения и, чтобы узнать наверняка, необходимо отправиться к месту предполагаемого источника энергии.

Затем наступило молчание. Профессор, скинув очки и положив их рядом с клавиатурой, устало провел рукой по сидящим волосам. Маленькие капельки пота скатывались по его широкому лбу и падали прямо на стол. Его уставшее и изнеможенное лицо медленно искажалось, страх и отчаяние наполняли его. Пальцы нервно сжимали друг друга, а глаза старались не смотреть в камеру.

– Но все же, есть еще кое-что, что меня беспокоит, – он вновь выдержал небольшую паузу, – с того самого момента, когда мы прибыли сюда, мы стали замечать необычное движение вокруг нашего лагеря. Некий объект, который не могли идентифицировать наши приборы, планомерно огибал наш лагерь, а затем исчезал. Сначала он появлялся в двух километрах к северу отсюда, потом – на северо-западе. С каждым днем этот объект сокращал расстояние, приближаясь все ближе к нашему лагерю. Первое время я старался не обращать на это внимание, ведь рядом с лагерем проходит миграционная тропа «валкенодов», огромных млекопитающих, которые внешне похожи на вымерших мамонтов. Но чем сильнее я старался убедить себя в этом, тем быстрее разочаровывался в этом предположении. Скорость перемещения объекта была слишком быстрой для таких крупных животных, да и появления происходило в период, когда «валкеноды» здесь не появляются. Это нечто пугало нашу команду и чуть не поставило под угрозу срыва всю нашу работу. Мне даже пришлось пригрозить увольнением и судом тем, кто откажется работать и выходить на улицу, но страх перед неведомым оказался настолько сильным, что двое сотрудников положили рапорты на стол. Стыдно признаться, но одно время и я поддался страху. Всего пару дней назад, когда вся команда уже отдыхала, а я задержался в лаборатории, чтобы довести до ума скопившиеся анализы, датчики в соседнем помещении буквально взвыли. Бросив все, я выбежал из лаборатории. То, что я увидел на приборной панели, чуть не ошарашило меня: застывшая цифра в шестьдесят два метра, указывала на то, как близко неизвестный объект подошел к нам. Вот тогда-то я и почувствовал настоящий страх. Команда стала требовать немедленно подать сигнал о помощи. Бесчувственные ранее ученые кричали как маленькие дети, требуя спасти их жизни и не допустить смерти всей команды. Я пытался их убедить в безопасности этого места, но уговоры на них не действовали. Не без труда, но мне удалось убедить их подождать еще пару дней, не поддаваться панике и держать себя в руках. И вот сейчас, когда я записываю это видео, под давлением своих коллег мне пришлось нарушить радиомолчание и направить сигнал о помощи, надеюсь, команда спасения прибудет сюда быстрее головорезов из «рубикона».

На этом запись заканчивалась. Вскинув голову вверх к висящей камере, я вызвал автономную систему.

– Есть ли возможность скопировать все содержимое этого компьютера.

– ПОДТВЕРЖДАЮ.

– Сколько это может занять времени?

– ОБЪЕМ ИНФОРМАЦИИ ОЧЕНЬ ВЕЛИК. ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ РАСЧЕТАМ ЭТО МОЖЕТ ЗАНЯТЬ ДО ТРИДЦАТИ МИНУТ.

– Начинай копирование.

Монитор тут же засветился ярким светом, и небольшая полоска стала заполнять отведенное для нее место, сопровождаемая процентным эквивалентом. Я встал из-за стола и быстро направился в общую часть лагеря. Здесь, в окружении многочисленных столов, небольших шкафов и научной аппаратуры, находились солдаты.

– Маккловски, время.

Боец вскочил со стула.

– Час тринадцать до закрытия коридора.

– Возьми троих бойцов и сходи посмотри что там с радиовышкой, только будь осторожен, ученые отправили сигнал о помощи через общую сеть, а это значит, что «рубикон» мог их услышать. Если она в порядке, будем вызывать «слона».

Несколько бойцов сразу встали со своих мест и, надев на ходу шлемы, быстро вышли на улицу.

– Информация будет готова через полчаса, а до этого времени, бойцы, будьте наготове, велика вероятность контакта с противником.

Договорив, я стал одевать шлем.

– Что с тобой, ты как-будто призрака увидел. – голос Стива возник в общем канале.

– У меня плохое предчувствие, Дженкинс. Времени в обрез. Если все получится: добудем информацию, дождемся транспорт, то времени, чтобы подобрать Купера у нас не останется. Капитан корабля не псих, он не станет подбирать убитых и раненых посреди снежной бури, свалившей до этого другой транспорт. Инструкция не позволит, да и жизнь ему дороже.

– Значит нужно сосредоточиться на выполнении задания, кэп. Выбор плохой, но его надо сделать.

Мысли вновь роем стали летать у меня в голове. Я никогда не бросал раненых, если был хоть малейший шанс на их спасение. Это был мой принцип, которому я следовал всю свою сознательную жизнь, но сейчас все было против меня. Рисковать всем: живыми солдатами, информацией, транспортом, чтобы постараться спасти нескольких раненых, которые уже, наверняка, мертвы, было верхом безрассудства. Разум и логика вторили Дженкинсу и его словам, но что-то внутри меня сопротивлялось трезвому рассудку и отчаянно кричало об обратном.

– Нужно попробовать, Стив, так будет...

Не успел я договорить, как в воздухе послышались выстрелы. Громкие, словно стреляли из чего-то тяжелого, они появлялись в самых неожиданных местах. Короткие очереди, сменяя одна одну начали доноситься с другой стороны лагеря. Вскочив со своих мест и похватав оружие, солдаты бросились на улицу. Здесь, в окружении заледеневших валунов гремела стрельба. Рассекая воздух, пули, словно сверчки, пролетали с невероятной скоростью над головами солдат и упав на снег, впивались в него как пиявки.

– Контакт... нужна поддержка!! – голос Маккловски появился в канале и тут же пропал.

Выбежав наружу, я направился к вышке, где в это время находились солдаты. Огонь велся с нескольких позиций, и вышка находилась как раз на пересечении огневых точек. Поливая огнем, противник не давал бойцам поднять головы. Солдаты прижимались к земле и заледеневшим конструкциям так сильно, как это было возможно, но огонь был слишком интенсивным.

Я осмотрел все вокруг и тут же увидел несколько солдат, засевших за небольшими возвышениями.

– Дженкинс! Две позиции справа!

– Вижу, капитан, они скоро замолкнут. – тяжелый голос Стива донесся из канала. Отделившись от основной части батальона, он, пригнувшись, направился к позиции противника. Огибая прилегающие валуны и прячась от вражеского глаза, он приближался к месту, где засел противник. Его силуэт становился все менее заметным, пока вовсе не пропал в темноте ночи.

Дальше двигаться нам было не безопасно, иначе мы рисковали попасть в ту же ловушку, что и Маккловски с солдатами. Засев за небольшими валунами, мы стали дожидаться, когда главные позиции противника перестанут стрелять. «Визоры» отчетливо давали картину происходящего: несколько групп противника по два человека окружили наш лагерь и ждали удобного момента для начала атаки и, судя по всему, ждали уже давно. Вскоре, за небольшим пригорком, где, окопавшись, находился пулеметный расчет, появилась черная фигура. Набросившись сзади на первого, она быстрым движением обхватила его шею и, дернув в сторону, вывернула голову на бок. Солдат упал там же, где и стоял. Затем, схватив упавшее оружие, с огромной силой обрушила его на затылок второго солдата. Нанося удары с такой силой, он буквально раскрошил его шлем, а после, подняв ногу, нанес ею удар в открытое лицо упавшего противника. Все продлилось не больше нескольких секунд, но этого было достаточно, чтобы расчет был полностью уничтожен. Завершив начатое, темная фигура исчезла так же быстро, как и появилась.

– Маккловски! Маккловски, доложи обстановку!

В канале послышалось тяжелое дыхание, сменяемое неразборчивой речью и руганью.

– Мы... есть раненые... у нас... необходима помощь... тело ученого...

Потом наступило молчание. Я еще несколько раз попытался связаться с группой, но ответа так и не получил. Нужно было что-то предпринять. Под таким огнем они могли долго не продержаться. Взглянув еще раз в сторону вышки, я вдруг увидел огромную тень, которая быстро приближалась к нам. Сделав резкий рывок, она ушла в бок в сторону главных сил противника. Через несколько секунд, со стороны вражеских огневых позиций, откуда по нам велась стрельба, послышались истошные крики и беспорядочная стрельба. Трассеры взлетали в воздух и в бок, находившиеся там солдаты, стреляли в разные стороны и пытались поймать неведомого противника в прицел. Но пули уходили в пустоту, освещая окружающую местность огнем своих выстрелов. Когда боезапас был исчерпан, в воздухе послышался громогласный рык, после которого выстрелы со стороны огневых точек прекратились окончательно.

Глаза лихорадочно рыскали по всему прилегающему пространству, а руки железной хваткой сжимали рукоять оружия. Сердце билось так сильно, что было готово выскочить наружу и оставить своего хозяина. «Визоры» были настроены на максимально возможную четкость, но неизвестный противник пропал из поля зрения даже таких мощных приборов. Солдаты молча переглядывались. Никто толком не понимал, что произошло и поэтому не решались что-то произносить в канал. Сделав неловкое движение в сторону, я стал медленно продвигаться вперед. До вышки оставалось несколько десятков метров, но уже сейчас я смог увидеть, что там произошло. Лежа под накрытием металлического листа, несколько солдат держали оружие наготове и осторожно поглядывали по сторонам. Кровь струилась из груди одного из них.

– Маккловски, ты слышишь меня.

– В-в-ы видели это, капитан. – дрожащий голос бойца робко просочился в общий канал.

Я подошел к нему и стал осматривать всех солдат. Двое были живы, но вот ни в какую не хотели выходить из своего укрытия. Страх, который так и веял от них, не давал им сдвинуться с места и напрочь сковал их движения. Третий был тяжело ранен и доживал свои последние минуты. Огромная дыра зияла из его груди. Кровь была повсюду. Показания датчиков на его броне неумолимо двигались вниз, где вскоре окончательно остановились на отметке «0». Он умер, и сделать было уже нечего. Схватив напуганного Маккловски, я вытащил его из укрытия и стал тянуть в сторону лагеря. Упираясь ногами в снег, он сопротивлялся и пытался вырваться. И в тот момент, когда это уже могло случиться, сзади подоспел Дженкинс, который схватив бойца, со всей силы ударил его по шлему.

– Успокойся, твою мать! Возьми себя в руки и давай дуй к остальным. Ты боец-«регуляр», и раз ты прибыл к нам в распоряжение, будь добр выполняй приказы.

Дальше послышался длинный ряд нецензурной брани, которая смогла вернуть «регуляра» с небес на землю. Остальные бойцы, видя как настроен Дженкинс, тут же повыскакивали из укрытия.

– Да... да. Вышка в порядке... Она... она способна принимать сигналы... Черт, что это было?

– Отставить разговоры. Ноги в руки и бегом все в лагерь. Я буду замыкать.

Подняв оружие перед собой, они быстро побежали в лагерь. Я шел за ними, но странное чувство, будто кто-то наблюдает за мной, не покидало меня. Я оглядывался, но в кромешной темноте этой морозной ночи, где любое движение могло стать последним, ничего нельзя было разглядеть. Наконец, когда все бойцы собрались в одном месте, мы смогли немного отдышаться. Засада была неожиданной, никто не мог предположить, что это произойдет прямо здесь, у самого лагеря. Но мы совершили ошибку, мы недооценили противника и за это заплатились жизнями солдат. Теперь это было уже не важно, главное, что информация спасена и вышка была способна вызвать транспорт на спасение.

– Прогресс копирования – чуть ли не крича, сказал я, войдя внутрь лагеря.

– КОПИРОВАНИЕ ЗАВЕРШЕНО. Я ВКЛЮЧИЛ ВСЕ МОЩНОСТИ, ЧТОБЫ УМЕНЬШИТЬ ВРЕМЯ ОЖИДАНИЯ.

Отличная новость, теперь надо было убираться отсюда.

– Маккловски, время!

Но он молчал.

– Маккловски, время, черт бы тебя побрал!!

Немного придя в себя, он стал лихорадочно подбирать слова.

– Э-э ... сорок шесть минут, капитан.

– Вызывай «слона» и по возможности соедини меня с генералом. Остальные будьте готовы для экстренной эвакуации.

Обогнув все помещение, я направился к пульту связи. Включив питание и создав все условия для бесперебойного соединения, я стал ждать. Молчание было недолгим, вскоре, где-то в глубине динамиков послышался голос Свиридова.

– Генерал, это капитан Марлоу.

– Что за черт, капитан! Почему транспорт не вернулся на станцию?

– Мы потерпели крушение, генерал, большая часть батальона погибла при падении, мы еле остались в живых. До лагеря добрались в потрепанном состоянии.

– Потери?

– Проще сказать сколько нас осталось – двадцать три человека.

– Проклятье! Ученые живы?

– Никак нет. Спасать некого. И еще кое-что – нас тут ждали. Это «Рубикон», устроили засаду прямо под самым лагерем, мы еле отбились.

Генерал молчал.

– Необходим транспорт для эвакуации. Срочно!

К моему удивлению, когда я закончил говорить, вместо генерала на связи послышался совершенно другой голос.

– Мистер Марлоу, вы выполнили то, что было вам приказано.

Гибкинс – это был он.

– Да, информация у меня. Надеюсь, вы хотите, чтобы она оказалась в ваших руках.

– Конечно.

– В таком случае нам нужен транспорт и как можно быстрее. По пути нам надо будет забрать еще несколько раненых.

– Вы получите его. Ожидайте. Однако, я не думаю, что стоит рисковать оставшимися бойцами и столь важной информацией для эвакуации потенциально мертвых солдат.

– В таком случае я беру ответственность на себя.

Голос Гибкинса еще несколько секунд слышался в динамике, но я уже не обращал на него внимания. Схватив маленький носитель на который система скопировала всю необходимую информацию, я вышел в зал к остальным солдатам. Они находились в возбужденном состоянии. Не выпуская из рук оружия, каждый из них нервно поглядывал в небольшие окна, выводящие на то самое место, где находилась радиовышка и, где всего несколько минут назад гремели выстрелы. Засада. «Рубикон» ждал нас. Дженкинс по личному каналу связи сказал, что смог немного осмотреть позиции и, что все они были хорошо подготовлены для нашей встречи. Несколько групп по два-три человека, окружили лагерь и вышку, зная, что мы обязательно пойдем осматривать ее. Все идеально спланировано и было обречено на успех, если бы не одно «но». Я сразу вспомнил ту огромную тень. Ее размеры просто поражали, почти две трети от размера транспортного корабля. Настолько огромная, что я вновь почувствовал, как страх начал проникать в мою душу. И этот рык. Его слышали все, просто сейчас было не до этого. Наверное, именно об этом и говорил профессор Цимерман, когда рассказывал о неизвестном объекте, кружащим вокруг лагеря. Однако, если бы не он, мы бы вряд ли остались в живых.

Прошло еще несколько минут пятнадцать, прежде чем над лагерем послышался долгожданный гул двух больших двигателей. Он приближался к нам и медленно опускался на поверхность. Скрепя и издавая страшный лязг, стыковочные лапы стали выпадать из брюха и упираться о заледеневшую поверхность озера.

– Говорит капитан корабля. Транспорт прибыл в указанное место, жду погрузки.

Солдаты стали быстро выходить наружу и быстрым темпом двигаться в сторону распавшегося брюха. Один за одним, они садились в приготовленные кресла и крепили на своей броне защитные ремни. Дождавшись, когда последний боец закрепиться, я направился в кабину пилота. Там, сидя за штурвалом, я увидел двух человек, чьи лица были закрыты летными шлемами.

– Здесь недалеко нужно совершить посадку, чтобы забрать несколько раненых. Вы наверняка видели это место.

Пытаясь перекричать нарастающий рев двигателей, я объяснял ситуацию старому пилоту. Но тот, услышав, что ему предстоит сесть в месте не указанном ранее, наотрез отказался это делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.